

Капризы и странности судьбы

ОЛЕГ РОЙ

Я тебя никому не отдам

Олег Рой

Я тебя никому не отдам

«ЭКСМО»

2015

Рой О. Ю.

Я тебя никому не отдам / О. Ю. Рой — «Эксмо», 2015

ISBN 978-5-699-79979-4

«Любовь к мертвецу делает и тебя мертвым...» – сказал наставник Тане. Она, тайный агент отряда специального назначения, не хуже учителя знала, что сочувствовать жертве нельзя. Влюбившийся в жертву сам становится жертвой. Любовь совершенно не входила в Танины планы. Но Сергей Субботин оказался не только ее жертвой, но и других. Своего возлюбленного Таня готова защищать ценою собственной жизни.

ISBN 978-5-699-79979-4

© Рой О. Ю., 2015

© Эксмо, 2015

Содержание

Олег Рой	6
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Олег Рой

Я тебя никому не отдам

Памяти моего сына Женечки посвящается

Не влюбляйся в жертву, чтобы самому не стать жертвой.

© Резепкин О., 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

Олег Рой

Я тебя никому не отдам

Если начать цитировать все написанное о питерских белых ночах, наберется талмуд размером с «Войну и мир». А что толку? Все эти описания – даже не копия, так, беспомощные наброски. Но – пишут и пишут, как заколдованные. Потому что уж очень соблазн велик, тянет. Не зря ведь так часто в этих описаниях мелькает – нет, не колдовство – прелесть.

Питер возвращает этому слову подзабытый уже смысл: прелесть – вовсе не легкое воздушное очарование, прелесть – то, что прельщает. Соблазняет. Манит. Затягивает. Растворяет в себе.

В Архангельске вон – совсем не то. Тамошние белые ночи – это как раз легкое воздушное очарование. Танцы эльфов и фей. А июньский ночной Питер – знал, ох, знал император Петр Алексеевич, где ставить город, – весь как флейта гаммельнского Крысолова. И невозможно не пойти за ее голосом, и «куда» теряет всякий смысл, и едва слышно доносится – не то из-за угла, не то вовсе с небес – тяжелозвонкое скаканье сорвавшегося с Гром-камня Медного всадника. И прозрачно сияющие шелка юной феи вмиг становятся лохмотьями макбетовских ведьм. И сверкнувший из-под ресниц взгляд прекрасной незнакомки – лишь промелькнет невидимое в вышине облачко – сменяется ледяным прищуром безжалостного убийцы...

Да хоть бы даже и не убийцы. Тень душиновато пахнущего сиреневого куста оказывается спешащим успеть до развода мостов прохожим, а замершая в поцелуе парочка – тенью фонарного столба.

И сам ты уже неизвестно кто – человек ли, тень ли...

ТЬфу ты, черт! Что за бред лезет в голову? Сергей резко нажал на кнопку, оживляя айфон, – буйное многоцветье дисплея более-менее разогнало морок. Изящная вывеска «Счастье» виднелась не дальше чем в десяти шагах. Уже слышны были звуки цыганского свинга. Точно биение живого сердца. И никакой гаммельнской флейты, никаких теней, никаких призраков!

По стертым ступеням он поднялся на неширокую, почти пустую – все же середина ночи, пусть даже и белой, – террасу. Молоденький официант с двумя колечками в левом ухе – небось студент подрабатывающий (эта мысль почему-то умиротворяла) – споро доставил на выбранный Сергеем столик бокал арманьяка и чашку кофе.

Кофе тут был хорош. Сергей открыл для себя этот ресторан несколько лет назад, бредя в такую же белую ночь от Каткиного садика – сквера у памятника Екатерине II, что на Невском, – к Пяти углам. Заметил вывеску с неожиданным названием, посидел на террасе за чашкой кофе – и прикипел. Местечко было не слишком популярное, тихое, уютное, без излишней домашности, но и без вульгарной помпезности. Спокойно и со вкусом. И – живая музыка. Кажется, именно здесь он впервые услышал джаз-мануш, или – это название нравилось Сергею больше – цыганский свинг. Крошечный джаз-бэнд – три гитариста и тощенькая скрипачка, к которым иногда присоединялся бородатый седой аккордеонист, – творил настоящее чудо. Разве джаз может существовать без ударных? Может. Как в старой глупой шутке: кто сказал, что гитара не ударный инструмент? Они умеют задавать ритм так, что он хватается прямо за сердце, куда там барабанам.

Впрочем, рассуждать о музыке – дело пустое. Ее слушать надо. Он откинулся в удобном ротанговом кресле, покрутил бокал, переливавшийся темным янтарным светом. Теплым, живым и совсем не похожим на жутковато-призрачное сияние белой ночи. Нет, надо же до такого додуматься, себя в тени записать. Ну уж нет! Он, Сергей Субботин, не какая-то там тень. Он сам выбирает свой путь. У него все получится. Уже получилось. А будет еще лучше.

Он открыл бумажник и заглянул в потайное отделение. Там бережно хранилась самая первая рекламная листовка самого первого его магазина. Блеклая, в одну краску, кривовато, как он сейчас видел, сверстанная, распечатанная – смешно сказать! – на офисном принтере. Всю ночь он тогда «кормил» старенький медленный «Хьюлит» бумагой, раскладывал теплые готовые листовки вокруг, чтоб не смазать – принтер был струйный, лазерники тогда, в девяностые, еще мало у кого водились. Ну да, была возможность – Сергей вздохнул – сунуть заказ в нормальную типографию. Но он предпочел сделать все сам. И все эти годы грязноватый лоскуток дешевой бумаги был для него символом самостоятельности. Да, как бы там ни было, он сам выстроил сегодняшнее свое положение – не то чтобы прямо на бизнес-олимпиаде, где места предусмотрены исключительно для нефтяных или алюминиевых владык, но, в общем, близко, в предгорьях. Скромный продуктовый магазинчик давно превратился в обширную – несколько десятков региональных филиалов – торговую сеть – «Полная чаша», вот какое название он придумал. Сам, не какой-нибудь наемный бренд-мастер.

Да, все он сделал, всего достиг сам. Своим собственным умом. Сколько таких же, как он, бизнесменов, начинали в те дальние уже девяностые? Тысячи? Сотни тысяч? И сколько преуспели? Вот то-то же. Он всех переиграл – и тех, кто хотел его победить, и тех, кто пытался его использовать. И это самый чистый, самый сладкий адреналин – чувство собственного превосходства. Это, а вовсе не деньги, которых давным-давно уже больше, чем можно потратить.

Кажется, я сам себя в чем-то убеждаю, подумал успешный бизнесмен Сергей Субботин и поморщился: вот еще, в самом-то деле. Неужели это Питер так действует? Питер, любимый до такой степени, что Сергей, коренной москвич, несколько лет назад купил здесь квартиру, но как-то странно он тут себя в последнее время чувствует. Или это белые ночи голову кружат? Или просто устал? Не от работы, конечно, – профессионалов он в штат набрал первоклассных, оставив за собой лишь ключевые решения и общий контроль. Но в одиночку, как ни крути, тяжело. Когда-то у него была, кажется, какая-то жена, какие-то друзья-приятели. Сегодня вокруг лишь конкуренты и партнеры, которым тоже пальца в рот не клади – откусят, а то и целиком слопают.

Впрочем, не век же он бобылем будет вековать. Судьба к нему благосклонна – подарила деловой успех, подарит и женщину. До старости-то ему еще о-го-го как далеко. Легкая проседь в густых темно-русых волосах лишь подчеркивает значительность и силу. Равно как и гусиные лапки вокруг по-прежнему ярких светло-карих глаз. Бреясь по утрам, Сергей нередко думал, что сегодняшнее отражение в зеркале нравится ему больше, чем то, что было двадцать лет назад. Наивная юношеская мордаха превратилась в хорошо вылепленное лицо сильного, уверенного в себе мужчины. Заматерел, да. Но не обрзуг. Ни в коем случае! Грех было бы портить подаренную природой спортивную фигуру. Да и сил от спортивных тренировок прибывает. И не только физических. Сергей улыбнулся. Самые лучшие решения приходили в голову, когда он «тягал железо» в спортзале. А на пляжах дорогих курортов фигурой – высокий, плечистый, с гладкими переливающимися мышцами – мог поспорить с местными инструкторами по дайвингу, например.

Гитарные ритмы, доносившиеся из основного зала, неожиданно заглушил многоголосый веселый гомон. Туристы, подумал Сергей, судя по выговору – южане. Забавно. Для Питера или Москвы летний отдых – это Черноморское побережье (ну, если забыть о Кипре или Египте). А пресыщенный морем-солнцем-фруктами Краснодарский край толпами валит полюбоваться магией белых ночей. Круговорот прямо.

Толпа не толпа, но заполнившая террасу пестрая компания была довольно внушительной – человек пятнадцать, если не больше. Несколько невзрачных мужичков, теряющихся на фоне своих пышных громогласных жен класса «баба ягодка опять», трое загорелых до черноты «качков», два-три типичных «ботаника» и – девушки. Абсолютно «черноморские»: яркие, как тропические птицы, броские на грани вульгарности, сверкающие белозубыми улыбками и оби-

лием стразов. Сергей удостоился изрядного количества взглядов жанра «како-ой интере-есный мужчи-ина» – совершенно ему не нужных, но... Он бы удивился, будь по-другому. Ладно, лишь бы за его столик никто не подсаживался.

Поймав пробежавшего мимо официанта, он заказал еще кофе и – подумав – еще зеленого чая со льдом и ломтиком лайма. Взглянул на часы, проведя пальцем по стеклу: отлично, скоро начнут разводить мосты, все туристы бросятся к набережным – любоваться.

– Гляди, гляди, у него часы с сенсорным управлением, – раздался слева громкий шепот одной из «тропических птичек». – Вот круто!

– И ботинки итальянские... И обручального кольца нет! – подхватила ее подружка.

Смех девушек звучал и задорно, и приглашающе. Сергей сделал вид, что ничего не слышит. Доказывать что-то себе или окружающим с помощью одноразового секса (а ни на что другое «тропические птички» и не годились) – удел неуверенных в себе юнцов – ему давно «не по чину». Впрочем, чувствовать себя «заманчивой добычей» было лестно. На пару секунд. Потом захотелось поторопить шумную пеструю ораву – шли бы, в самом деле, мостами любоваться. Но туристы, похоже, устроились тут основательно, заняв почти все места на террасе и порядком подпортив ощущение уюта и спокойствия – именно то, за что Субботин и любил это место. Может, уйти, подумал он слегка раздраженно и тут услышал быстро нарастающий рокочущий гул...

Мотоцикл!..

Это было как привет из далекой, почти уже забытой юности. Как они тогда гоняли! Лихие ветры подмосковных трасс, страшный сон беспомощных гаишников (ха! поди-ка догони!), повелители стальных коней. Кони были, конечно, еще советские – у Сашки «Иж», у него «Ковровец», – но они гордо называли их байками, а себя – чоперменами. Днями и неделями торчали в темных отцовских гаражах, по уши в масле, ржавчине и бензине, «вылизывая» и усовершенствуя своих «скакунов», чтобы хоть немного уподобить свои «коврики» и «ежики» легендарным «Харлеям» и «Ямахам».

Мотоцикл – спортивный «БМВ» – рыкнув напоследок, замер точно у ступеней ресторанной террасы. Затянутый в красную кожу байкер оказался в перекрестье многочисленных взглядов: восхищенных, ошарашенных или откровенно завистливых. Женщины как по команде нервно зашебетали, явно стараясь отвлечь внимание своих спутников от ловко спешившейся амазонки.

Да, амазонки. Плотно облегающая экипировка не оставляла в том ни малейших сомнений, обводя и подчеркивая все изгибы стройного тела. Высокие сапоги – мотоботы – ловко обхватывали изящные щиколотки, а узкие пальцы, выглядывающие из кожаных обрезных мотоперчаток, казались удивительно нежными, музыкальными.

Одним движением девушка подняла зеркальное забрало – визор – и, отщелкнув застежку, сняла тяжелый шлем. На плечи обрушился водопад чуть выющихся рыжеватых волос. Легкий взмах головы отправил пышный каскад за спину. Привычным движением бросив в шлем поспешно снятые перчатки, амазонка поднялась на террасу, на ходу расстегивая куртку.

На верхней ступеньке во взгляде ее появилось удивление и даже растерянность – все столики были заняты. А сидеть в душном зале, мысленно усмехнулся Сергей, в такую ночь охотников найдется немного. Чувствуя себя героем классического голливудского фильма, он слегка приподнялся и приглашающим жестом указал на свободное кресло возле своего столика. Девушка на миг заколебалась, еще раз обвела террасу внимательным взглядом – нет, остальные варианты явно были гораздо хуже – и, коротко кивнув, присела на краешек кресла.

На краешек, но без малейшего оттенка неуверенности, подумал Сергей, исподтишка, чтоб не показаться невежливым или, хуже того, навязчивым, рассматривавший незнакомку. Вблизи она выглядела постарше, чем показалась на первый взгляд. Лет двадцать пять, пожалуй, или тридцать, вряд ли больше. Тонкий абрис слегка обветренных губ, светлые, цвета ранних

сумерек серьезные глаза, ни грамма косметики. Небольшая ссадина на левой скуле не столько портила, сколько подчеркивала безукоризненную картину – как мушка на щеке средневековой красавицы. «Тропические птички» за соседними столиками на фоне этого спокойного изящества как-то сразу поблекли.

Меню, преподнесенное мгновенно подлетевшим официантом, амазонка проигнорировала, заказав чашку капучино и большой стакан воды. Сергей мысленно усмехнулся – он-то помнил, как скорость сушит горло. Помнил, как во время безумных своих гонок они с Сашкой высматривали придорожные колонки и по очереди – один жмет тугий рычаг, второй пьет – прикипали к яростно бьющей из железного жерла ледяной, невероятно вкусной тугой струе. Словно не подмосковные трассы стелились под их колеса, а пыльная бесконечность аравийских пустынь под раскаленным небом.

И это «принесите воды» тоже было как привет из юности.

Девушка выпила с полстакана и откинулась на спинку кресла. Вопреки расхожему мнению – мол, рыжим красное противопоказано – красный кожаный костюм идеально подходил к легкой рыжине ее каштановых волос. Все есть яд и все есть лекарство, вспомнил Сергей, разница лишь в дозировке. В этом случае «дозировка» идеальная, оттенки подходят друг к другу как... как в языке пламени.

Да, хороша, ничего не скажешь. И мотоцикл ей под стать.

– Тысяча двести кубов? С места до сотни за три и две десятых секунды? – деловито (вы же не думаете, что я кадрирую, я машиной восхищаюсь, и все) поинтересовался он.

Слегка помедлив (Сергей готов был поклясться, что в этот момент в прекрасной головке мелькнула мысль: он что, свой?), девушка улыбнулась уголком рта.

– За две и семь десятых по сухому асфальту.

– Ого! – абсолютно искренне восхитился Сергей. – Ограниченная спецсерия? Или боги тунинга постарались?

– Второе, – с той же полуулыбкой подтвердила амазонка.

– Нечасто увидишь такого зверя в столь нежных руках, – улыбнулся он. – Не иначе, у вас в жилах адреналин вместо крови течет, и скорость... – Субботин не закончил фразу, как бы приглашая к продолжению метафоры.

– Что есть, то есть, – девушка покачала головой. – Вы ведь понимаете, – она коротко, оценивающе взглянула на него, – скорость – это страсть на всю жизнь. От этого не излечиваются. Раз испытал, не забудешь и не откажешься.

Незнакомка говорила легко и непринужденно, точно сама с собой, держалась без манерного жеманства или взвизгивающего кокетства. Это уверенное прямодушие подкупало и притягивало. Да уж, подумал Сергей, такую ни на какой презентации, ни на каких переговорах, ни в каком офисе не встретишь. С ней удивительно... спокойно? Можно не высматривать подвоха, не продумывать хитрые ходы и бизнес-стратегии...

– К тому же мотоцикл, – продолжала незнакомка, – не только способ успокоить адреналиновые бури, а еще и очень практичная вещь. Отличный способ прорваться сквозь любые пробки. Без него я тратила бы на дорогу в десять раз больше времени.

Сергей, улыбаясь, покачал головой.

– Честно говоря, я вам даже немного завидую. Сам-то давным-давно не ездил, но когда-то мы с приятелем сожгли не один комплект колесной резины.

– А что у вас была за машина? – живо поинтересовалась девушка.

– «Коврик». Ну, «Ковровец». Вы-то, небось, и названия такого не слыхали, – усмехнулся Субботин. – Это было действительно давно.

– Может, и слыхала, но как-то смутно, не припоминаю, – согласилась она. – И как машина?

– Металлолом! – засмеялся он. – Швейная машинка, даром что на колесах... Ну... по нынешним меркам, во всяком случае. Но тогда... тогда это было настоящее счастье. Знаете, однажды...

Сергей начал вспоминать и даже не заметил, как и сам увлекся красочным, почти восторженным рассказом о собственной юности и невероятных приключениях двух «крутых байкеров». Собеседница слушала так внимательно, что ему вдруг показалось – они знакомы уже целую вечность. Честное слово! Вполне можно начинать перебрасываться радостными «а помнишь?», словно за плечами вагон и маленькая тележка общих воспоминаний.

– Давно не ездите? – задумчиво переспросила девушка, удивленно, почти недоверчиво покачивая головой. – Неужели больше не тянет взяться за штурвал?

– Ого! Штурвал! – Субботин усмехнулся. – Я, признаться, уже и выражения эти подзабыл... Кстати... Не сочтите за бесцеремонность: ссадина на лице – не результат ли экстремального вождения?

Незнакомка нахмурилась.

– Не вписалась в поворот, – поморщившись, ответила она с явной неохотой.

Субботин поспешил сменить тему:

– А за штурвал тянет, конечно. Вы же сами сказали: «это на всю жизнь».

– И?... – она вопросительно вскинула бровь.

– Да какое там «и»! – Субботин махнул рукой. – У меня и байка-то нет. Вроде и купить не проблема, хоть бы и «Харлей», – он мечтательно вздохнул. – Но куда ездить? И главное – когда?

– Да хоть сейчас! – живо отозвалась девушка. – Чтобы что-то откладывать, всегда находится миллион причин. Так и жизнь пройдет, – как ни странно, несмотря на почти шутиливую интонацию, она вовсе не улыбалась. – Вот прямо сейчас у вас же есть время? А у меня, – она мотнула головой в сторону «коновязи», – мотоцикл и даже запасной шлем в наличии. Можно сесть и рвануть.

– Вы шутите? – изумился он. – Или у вас хобби такое: катать незнакомых мужчин посреди белой ночи?

– Белые ночи коротки, – усмехнулась девушка. – Почему бы, собственно, и нет? Зачем всему искать обоснования? – Она глядела на Сергея не то испытующе, не то разочарованно, так что он, вдруг почувствовав себя старым скучным резонером, уже клял себя за предыдущую реплику: дурак, соглашаться надо было моментально, а не неясности выяснять, бизнесмен чертов! Видимо, терзания явственно отразились на его лице, потому что амазонка усмехнулась: – Вас смущает, что мы не были друг другу представлены? Пустяки, право. Меня зовут Татьяна. Можно Таня.

– Сергей, – назвал его, облегченно выдохнув.

– Очень приятно, – она кивнула и подняла руку, подзывая официанта. – Ну как, готовы? Обещаю, что буду осторожна на поворотах, – добавила она со смешком.

Субботин попросил общий счет, но Таня решительно воспротивилась:

– Простите, но я вполне в состоянии купить себе чашку кофе, – резкость высказывания смягчилась легкой улыбкой.

С той же улыбкой она, легко сбежав по ступенькам, протянула Сергею запасной шлем, лукаво подмигнув:

– Итак, навстречу приключениям?

– Раньше сядешь, дальше выйдешь, – ответил он незамысловатой байкерской шуткой и, «нырнув» в шлем, уселся позади своей прекрасной амазонки.

Мотор взревел, мотоцикл сорвался с места и... полетел, замелькал мимо царственный Петербург. Понеслась Новая Голландия, манящая таинственными арками среди темной зелени, взблеснула обочь Невы, замелькали мосты, пролетела невесомая в призрачном свете

белой ночи Петропавловка, засверкали серебряными бликами каналы, замелькали, сменяя друг друга, острова...

Таня на полной скорости умело лавировала между редкими, как будто сонными машинами, первой уходя от светофоров, с грохотом пролетая узкие переулки и вновь вырываясь на распахнутые в бледное небо просторы осыпанных рыжими фонарями проспектов.

Рыжеватая прядь, выбившаяся из-под Таниного шлема, трепетала в струе летящего навстречу ветра у самого лица Сергея.

Попетляв по старому центру, арбалетной стрелой пролетев сквозь заурядно-безликие спальные районы, байк понесся в сторону Кронштадта. На дамбе Таня прибавила скорость. Сергею казалось, что никакой дороги под ними нет, что они мчатся по плоской балтийской воде, оставляя за собой белый пенный бурн.

Выписав замысловатый иероглиф по перекрестьям кронштадтских улиц, мотоцикл понесся назад, в Питер. Когда Таня, заложив крутой вираж, свернула в неширокую улицу и лихо застопорила перед ступенями все того же ресторана «Счастье», Сергей резко выдохнул и ошарашенно помотал головой. Казалось, всю эту безумную гонку он так и просидел на одном вдохе. Но нет, конечно, подсказали часы: путешествие продолжалось больше двух часов. Он осторожно ступил на землю, чувствуя себя моряком после кругосветного плавания. Вокруг все как будто еще плыло и куда-то несло.

– Что ж, доставила вас туда же, откуда похитила, – улыбнулась, обернувшись, Таня.

Сергей охотно подхватил шутливый тон:

– Теперь надо сдать по описи, все ли цело: руки, ноги, голова... М-да. Голова как-то не очень. Покачивает. Сейчас бы прилечь, – он улыбнулся.

– Прилечь тут негде, – серьезным голосом, но с лукавой усмешкой в глазах ответила Таня. – Я ж не знала, куда вам нужно, вот и вернула на исходную позицию.

– Тогда предлагаю озаглавить благополучное окончание этого головокружительного путешествия торжественным ужином, – с комическим пафосом произнес Сергей. – Правда, я уже и не знаю, будет ли это ужин или уже завтрак. Эти ваши белые ночи напрочь сбили меня с толку.

Таня взглянула на часы:

– Все-таки ужин, наверное. Хотя и поздний. Четвертый час ночи. Но ресторан, на наше счастье, еще работает.

Действительно, террасу озарял чуть дрожащий янтарный свет.

– На наше счастье, есть «Счастье»! – скаламбурил Сергей, поднимаясь вслед за Таней на террасу. – Смотрите, и наш столик свободен.

Свободен был не только «их» столик, но и почти все остальные, только в самом дальнем уголке шепталась загулявшая юная парочка. Шумная стая туристов исчезла, местечко опять дышало покоем и умиротворенным уютом.

Ночь постепенно меняла цвета: золотистая полоса над горизонтом становилась все шире, перекрашивая серебристое, лиловое и серое в песочную охру и теплый янтарь.

Таня оказалась изумительным собеседником. Точнее – слушателем. Так раковина эстрады собирает и концентрирует звук, помогая стоящему на сцене певцу. Так зеркало рефлектора собирает свет, помогая лампе делать свою работу. Так и живой интерес слушателя – неопенимая поддержка для рассказчика. Таня говорила мало – нет, не петербурженка, приехала к знакомым погостить, благо выдался длительный отпуск, – но радостно смеялась каждой шутке и вообще слушала с живейшим интересом. Сергей болтал обо всем подряд: об успехах «Полной чаши» и студенческих приключениях, о французских виноградниках и шотландской рыбалке, о неизбежных в большом бизнесе кадровых проблемах и рассветах над Японскими островами.

– Знаешь, вот вроде бы линия перемены дат – условность? Но когда знаешь, что ты первым видишь начало нового дня...

– Как мы сейчас, – улыбнувшись, подхватила Таня.

Тот же молоденький официант уже начал гасить озарявшие каждый столик толстые круглые свечи. Мимо террасы прогрохотал серый фургон с эмблемой чего-то строительного на борту. Таня вздрогнула, словно очнувшись от тягучей волшебной дремы, бросила беспокойный взгляд на дремавший у террасы мотоцикл.

– Пожалуй, мне пора.

– Надеюсь, мы еще встретимся? – подчеркнуто небрежно спросил Сергей, словно бы не придавая этому особого значения, но скрестив в кармане пальцы – на удачу. И вовсе не потому, что Таня красивая, а от гибких движений затянутого в красную кожу тела сохнет горло, и даже джинсы как будто становятся тесны. Подумаешь! Красивых и сексуальных вокруг пруд пруди, только свистни. Но Таня с ее мотоциклом была как живое воплощение легкости, молодости, слепящего нерассуждающего счастья. Даже мелькнула крамольная мысль: на черта весь этот бизнес со всеми этими «кто кого» и «я победитель»? Мелькнула – и пропала. Вот уж действительно – экая сегодня глупость в голову лезет. Кто сказал, что одно исключает другое? Просто... просто... как бы ухитриться и продлить это случайное знакомство? Девушка-то – класс, что и говорить. Но мало ли, она ведь сказала, что не из Питера, может, сегодня уезжает.

Но Таня лишь пожала плечами и улыбнулась:

– Почему нет? Запишите мой телефон.

Он старательно вбил в память айфона продиктованные цифры, не без удовольствия отметив, что номер московский.

Таня оседлала своего «коня», махнула на прощанье рукой и нажала на газ...

Мотор рывкнул и... зачихал, закашлял, затрещал.

– Что с ним? – удивился Сергей, подходя поближе.

– Проза жизни, – развела руками Таня. – Мой верный конь, видимо, решил, что, прокатив нас по Питеру и Кронштадту и вернув на место в целости и сохранности, выполнил свой долг и теперь имеет полное право отдохнуть... Короче, банально кончился бензин, а этот, – она легонько пнула носком сапога по колесу, – говорит, что ему надо подкрепиться.

– Его можно понять, – улыбнулся Сергей, лихорадочно припоминая, не видел ли он в окрестностях бензоколонки.

Таня сокрушенно крутила головой.

– Нет, ну надо же быть такой балдой! Чем я думала?! Видела ведь, что лампочка горит, но как-то из головы вон. Черт! Теперь тащи его на себе до Рузовской или к Невскому... Домой ужасно хочется, – жалобно добавила она.

– А куда вам, собственно, домой? – уточнил Сергей, старательно скрывая свою радость по поводу «неудачного» стечения обстоятельств.

– В Парголово, – вздохнула девушка. – Я там у знакомых остановилась.

– Да уж, не ближний свет, – покачал головой Сергей, с бешеной скоростью прокручивая в голове варианты решения «проблемы»: вызвать для Тани такси, оставив байк у ресторана, смотаться к ближайшей бензоколонке за канистрой бензина, тормознуть какого-нибудь раннего водилу и выпросить горючки у него... Но раз уж так сложилось... Он и на тысячу километров не приблизился бы к предгорьям бизнес-олимпа, если бы не умел придумывать неожиданные ходы и не имел решительности, чтобы их воплощать...

– Знаете, Таня, у меня есть предложение, – все с той же нарочитой небрежностью проговорил Сергей. – Не считите за навязчивость, но моя квартира тут совсем неподалеку, что называется, в шаговой доступности. Кров, спальное место и чашку утреннего кофе я вам гарантирую. А утром что-нибудь придумается. Ну как?

Таня, опустив глаза, смущенно улыбнулась.

– Звучит, честно говоря, соблазнительно. День выдался длинный, и я, признаться, изрядно устала, просто сил нет сейчас в область добираться. Но как быть с ним? – она положила руку на кожаное седло своего «коня».

– Проще простого, – заверил Сергей. – Сейчас договорюсь с ресторанной охраной, они до завтра... хотя уже завтра, – он ободрительно улыбнулся. – Присмотрят, в общем, за вашим Росинантом. А мы дойдем до моего дома, вы отдохнете, выпитесь, позавтракаете... и после этого мы решим все проблемы. Ну как, готовы?

Таня рассмеялась.

– Кажется, сегодня эта фраза уже звучала. Только из моих уст. Значит, надо соглашаться.

До улицы Декабристов, бывшей Офицерской, где в бывшем доходном доме находилась питерская квартира Сергея, было не то чтобы совсем рукой подать, но все же рядом, не больше получаса ходьбы – через Фонтанку, мимо Сенной и Юсуповского сада, пустынными безмолвными улицами и жутковато-безлюдными дворами, куда Сергей сворачивал, сокращая путь, и местные кошки сердито глядели вслед тем, кто осмелился потревожить их зыбкий покой. Набережная канала Грибоедова – Грибанала, как говорят питерцы, – распахнулась неожиданно. Слева торчали гранитные пирамидки Подъяческого моста, за ним виднелся Львиный мост.

– Надо же! – удивилась Таня. – Такими закоулками шли, все ободранное, даже страшно-вато, и вдруг...

– Почти пришли, – сообщил Сергей. – Перейти через мост, и там уже действительно два шага. Кстати, в конце улицы Декабристов, там, где она в набережную Пряжки упирается, стоит дом, где жил Александр Блок.

– Как романтично, – хмыкнула Таня. – А мы его увидим?

– Блока? – пошутил Субботин. – Блока вряд ли, а дом вполне можем. Только завтра, до него еще километра полтора, – улыбнулся он, соображая, что стоит за ее согласием: просто желание поскорее отдохнуть или...

Квартира Сергея – с высоченными потолками и бережно сохраненной старинной лепниной – являла собой гармоничный союз уверенной в себе классики и слегка вызывающего модерна, сдобренный щепоткой винтажных элементов.

– У вас отличный вкус, – уважительно заметила Таня. – Выдержать все в одном стиле несложно, но вот соорудить столь гармоничное сочетание прошлого с настоящим... Или даже с будущим, – усмехнулась она, стоя на пороге кухни, где доминировали черное стекло и тускло блестящая сталь.

За одной из панелей неожиданно открылась солидная винотека – теплый свет, деревянные полки, в которых уютно покоились многочисленные бутылки. Сергей вытащил одну.

– Это вино, Таня, старше вас. Очень хорошее, поверьте. Я в этом кое-что понимаю. И думаю, нам стоит выпить за Петербург, белые ночи и... за неожиданности! Пока ночь еще не кончилась, нужно поблагодарить ее за наше чудесное знакомство.

Таня улыбнулась, покачивая бокал, глухо светившийся рубиновым светом...

* * *

Настырный солнечный луч щекотал ноздри, забирался под сомкнутые ресницы, заливая веки горячим красным сиянием. Придется вставать, подумал Сергей. Хотя бы для того, чтобы задернуть штору.

Глаза открылись неожиданно легко. Вообще все тело наполняла какая-то невероятная легкость. Словно он не солидный деловой мужчина сорока с лишним лет, а... воздушный шарик. Я тучка-тучка-тучка, я вовсе не медведь! И чего это я так веселюсь с утра пораньше, удивился Субботин. Хотя, по солнцу судя, время к полудню. Так что вставать все-таки придется. Вот только проведу рекогносцировку... он потянулся и повернул голову.

В обозримом пространстве обнаружились сбитые простыни, вздыбленные подушки, перекрученное шелковое покрывало... смугловатое, блестящее в солнечном луче плечо... Таня! Он вспомнил рекламу – и пусть весь мир подождет! – и перекатился поближе к соблазнительно манящей добыче. Добыча не возражала. Все отодвинулось на «потом» – и брошенный у ресторана мотоцикл, и обещанный дом Александра Блока, вообще все дела. Но...

Как неумолимый конвойный безжалостно объявляет, что свидание окончено, так и окружающая действительность, выждав четверть часа, сурово напомнила о своем существовании.

– Какая бездушная с-скотина выдумала мобильники?! – прорычал Сергей, на шаривая на полу телефон. Послушал, буркнул «скоро буду» и повернулся к Тане.

– Черт бы их всех побрал со всеми их делами! Хотя дела скорее мои. Придется отлучиться на пару часов. Совсем забыл о назначенной встрече.

– Что ж, пойду вызволять мотоцикл, – усмехнулась Таня.

Но Сергей и слушать не стал.

– Даже не вздумай! Я обещал, что займемся этим вместе? А ты в одиночку собралась. Дождись меня, а? – он улыбнулся.

– Подождать тебя здесь? – изумилась она.

– Ну да, а что? Ты имеешь что-то против? – И, сурово сдвинув брови, погрозил девушке пальцем. – Только не вздумай сбежать!

– Я что, в плену? – Таня легко подхватила его шуточный тон.

– Да! – еще сильнее сдвинув брови, грозно прорычал Сергей. – Я тебя похитил и теперь никогда не выпущу! – он вскочил и, подхватив девушку на руки, закружил по комнате.

– Перестань, пожалуйста, мне больно! – взмолилась Таня.

Сергей осторожно поставил девушку на ноги и только сейчас заметил, что левая сторона ее тела вся в синяках и ссадинах.

– Ого! – изумленно присвистнул он, подумав мельком, что страсть, похоже, лучший в мире анестетик, ночью-то никаких проблем не возникло, словно и травм никаких не было. – В серьезный же ты поворот не вписалась. Еще и парочку крепких заборов по пути снесла? Или что-то посущественнее?

Ему казалось, что он удерживает тот же шуточный тон, но Таня почему-то рассердилась.

– Прекрати меня разглядывать! Мало ли что с человеком может случиться.

Схватив валявшуюся на подоконнике рубашку Сергея – бурно мы, однако, раздевались, подумал он, – Таня в мгновение ока набросила ее на себя и стала торопливо застегиваться.

– В таком виде ты еще более соблазнительна! – Сергей попытался обнять девушку, но она неуловимым движением ушла из-под его рук и тенью скользнула в сторону кухни. Вскоре оттуда донесся ее голос – уже совсем не сердитый, а солнечно-звонкий:

– Ты успеешь выпить кофе?

– С удовольствием, – крикнул он, обозревая недра платяного шкафа и прикидывая, как одеться, чтобы обмануть капризную питерскую погоду. – Чашки на верхней полке в...

– Нашла уже!

Нашла она не только чашки. Когда Сергей, наскоро побрившись и вообще приведя себя в относительный порядок, дошел наконец до кухни, на столе под мерно поблескивающим медным маятником старинных настенных часов вкусный кофейный пар обволакивал тарелку с аппетитными бутербродами. Все это было так уютно, что Сергей, увлекшись «настоящим семейным» завтраком, даже начал рассказывать о недавней поездке в Индию, так что Тане пришлось, улыбнувшись, демонстративно постучать по маятнику.

– По-моему, тебе давно пора.

– Да-да, побежал, – спохватился он. – На обратном пути проведу твоего Росинанта и позабочусь, чтобы его все-таки покормили, несмотря на строптивый нрав и манеру сбрасывать

хозяйку на всем скаку. У меня к нему проснулись самые нежные чувства, выразить не могу, как я ему благодарен... Ну, не скучай, я управлюсь часа за два.

Вернулся он, однако, через четыре часа с лишним, несколько смущенный – обещал быстро, а сам! – поэтому в квартиру вошел тихонько, словно виновато, неловко прижимая к груди охапку поздней сирени. Двинувшаяся было навстречу Таня остановилась на пороге гостиной, сквозь полумрак прихожей настороженно всматриваясь в темный силуэт у входной двери.

– Сергей?..

– Ну да, – откликнулся он. – А ты ждала кого-то другого? – шутка вышла несколько неловкой.

– Нет, конечно, – слабо усмехнулась девушка. – Но ты вошел так тихо...

– Ну... подумал, вдруг ты заснула. Не хотел тревожить.

На Тане по-прежнему была его белая рубашка. Стоя в проеме деревянной арки, озаренная лившимся из окна за ее спиной светом, превращавшим тонкую белую ткань в прозрачную тень, скорее подчеркивающую, чем скрывающую стройный силуэт, с пронизанными солнцем пышными волосами, похожими на светящийся ореол, девушка напоминала ангела с какой-нибудь старинной картины.

Сергей помотал головой, прогоняя наваждение.

– Докладываю, – сообщил он. – Мотоцикл по-прежнему стоит под надежной охраной. Жив, здоров, заправлен по самое горло, прекрасно себя чувствует, чего и тебе желает, и готов мчать свою хозяйку хоть до края света. Но, – Сергей, улыбаясь, воздел вверх указательный палец, – я решительно возражаю и вместо этого предлагаю прогуляться. Пешком.

– Восхитительная идея! – Таня улыбнулась. – Но... не сейчас. Мне нужно уехать.

– Об этом не может быть и речи! – категорически возразил он. – Ты ведь согласилась меня здесь дожидаться? Значит, никакие срочные дела к тебе не вызывают. А я смертельно расстроился, что пришлось отвлечься, и теперь не желаю расставаться с тобой ни на минуту.

– Придется, – мягко улыбнулась она. – Мне позарез нужно домой. Ну, в смысле, туда, где я остановилась. Там я смогу переодеться. Сам посуди. Гулять по городу в полной мотоэкипировке – по меньшей мере смешно. А уж как неудобно! Тем более что сегодня Питер решил порадовать настоящей летней погодой. В кожаном обмундировании через час от меня будет разить, как от скаковой лошади.

– Разве что как от ма-аленькой пони! – засмеялся Сергей. – Если это единственная проблема, то не гони коней, может, мы и здесь для тебя что-нибудь найдем... если хорошенько поищем, – хитро улыбаясь, он вытащил из-за спины левую руку и протянул девушке два фирменных пакета.

В том, что побольше, обнаружилась здоровенная белая коробка с витиеватой золотистой надписью.

Таня положила коробку на комод и робко приподняла крышку. Блеснул нежный атлас, точно прятавшийся в облаке паутинно-тонкой белой бумаги. Девушка отдернула руку и растерянно замерла над коробкой, словно не решаясь к ней прикоснуться.

– Ну же! – настаивал Сергей.

Прикусив губу и слегка нахмурившись, она наконец отважилась снять крышку и вытянуть содержимое на свет.

– Боже! Что это?

Нежная, точно невесомая, ткань волшебного платья струилась, казалось, буквально от взгляда.

– Это... это для меня? – выговорила наконец Таня – почему-то шепотом.

– Ну не для меня же! – Сергей, расхохотавшись, процитировал бессмертную фразу Попандопуло из «Свадьбы в Малиновке»: – Я такой фасон не ношу! – и, сделав загадочные глаза, добавил: – Вообще-то пакетов два...

Осторожно, точно платье было из тончайшего хрусталя, Таня положила его на пуфик под зеркалом и вынула из второго пакета коробку поменьше, но с такой же витиеватой надписью. Внутри лежали идеально совпадавшие с платьем босоножки на шпильке.

– У тебя ведь тридцать седьмой, я не ошибся? – нахмурившись, уточнил Сергей.

– Откуда ты... – окончательно растерялась Таня.

– Твой мотоцикл рассказал, – загадочным шепотом, наклонившись к самому ее уху, сообщил Сергей и снова расхохотался.

Она опять нахмурилась и покачала головой.

– Сереж, это очень дорогой подарок. Ты ставишь меня в неловкое положение...

– Да ладно! – отмахнулся он. – Мне тоже вчера было неловко, когда ты на меня весь бензин извела, так что пришлось даже ночевать в логове ужасного людоеда... И если будешь спорить, людоед тебя... съест! – Сергей выпучил глаза, оскалился и даже зарычал. – Р-р-р! Ладно, хватит на всякую ерунду время тратить. Проблема одежды решена? Ну так пойдем, пока я в самом деле тебя не съел – голодный, как волк. Нет, как пять волков, не меньше.

Таня улыбнулась:

– Ладно, ты прав. Спасибо! Платье просто сказочное! Только...

– Ну что еще? – почти сердито поинтересовался он.

Девушка погладила его по плечу.

– Сереж, в этом нельзя гулять. На таких каблуках я умру через час.

– Ах ты, черт! – Сергей хлопнул себя по лбу. – Как же я не сообразил! Болван!

– Никакой не болван, – ласково улыбнулась Таня. – Мужчина. Ваш брат о таких... пустяках обычно не задумывается.

– Гм, – нахмурился он. – Ладно, попытаюсь реабилитировать мужской род. План такой: вызываем такси и едем обедать на Невский – Тань, я реально голодный, как стая волков, – а удовлетворив телесные потребности, покупаем тебе в ближайшем магазине подходящую прогулочную экипировку. Ну, типа джинсы, футболка, кроссовки – это ж гораздо проще, чем выбрать достойное тебя платье, – Сергей изобразил средневековый глубокий поклон. – Ну а потом – гулять!

– Таская за собой волшебное платье вместе с босоножками? – засмеялась девушка. – И как? В коробках? Или где?

– Издеваешься? – легко парировал он. – Платье и босоножки закинем сюда, это пять минут. Годится? Ну, одевайся!

Когда Таня, облачившись в новый наряд, появилась в гостиной, Сергей восхищенно присвистнул. Так сногшибательно не выглядела, наверное, даже Грейс Келли перед свадьбой с князем Монако. Или он тогда был еще не князь, а наследный принц? Не важно, впрочем. Главное, что песенка-то врала – мол, жениться по любви не может ни один, ни один король. Этот, из Монако, смог же. Он, Сергей, не король, зато все, что у него есть, сам заработал, а не по какому-то дурацкому праву рождения, как князь Монако. Тьфу ты, вот привязался этот князь! От растерянности, должно быть – Таня была невероятно, королевски, сказочно хороша! Он заплодировал:

– Сногшибательно! Теперь я буду бояться, что тебя украдут.

Девушка рассмеялась.

Никто, конечно, ее не украл, но в ресторане Сергею казалось, что его спутницу пожирают глазами даже официанты. Потому что нельзя быть на свете красивой такой, вспомнил он еще один шлагер. И уж конечно, вернувшись на Декабристов – на пять минут! только переодеться! – пятью минутами они не обошлись. Должно быть, в спальне за время их отсут-

ствия кто-то установил специальный магнит, который тянул в обычную, казалось бы, комнату с неодолимой силой...

– Ну что, сперва на Пряжку? – предложил Сергей, когда они наконец вновь оказались на улице. – Думаешь, я забыл, что обещал показать тебе дом Блока? Не-ет, я ничегошеньки никогда не забываю. Я ведь бизнесмен, а в бизнесе ничего забывать нельзя. Да и в жизни тоже. Забудешь – напоят, причем, как правило, не самым приятным образом.

– Ну да, как мой мотоцикл вчера, – улыбнулась Таня. – Не самым, как ты говоришь, приятным образом.

– Ему-то как раз за это огромное спасибо! – замотал головой Сергей. – А то умчалась бы ты, как та незнакомка, – он махнул в сторону углового желто-розового здания. – В музей Блока заходить будем?

Музей оказался уже закрыт – все-таки «задержались» они в квартире надолго – но и без всякого музея жизнь была восхитительно волшебной.

– Ну что, пойдем куда глаза глядят? – улыбнулся Сергей.

Пряжка, Мойка, сумрачные арки Новой Голландии, знакомые белые львы на «вчерашнем» мостике, тенистые аллеи Юсуповского сада, живописные трущобы Апраксина двора...

В джинсах, футболке и кроссовках Таня выглядела совсем девчонкой. Девчонкой из соседнего двора, подумал Сергей. Ему казалось, что он знает эту девушку всю жизнь.

Он рассказывал о том, как странно стоять под статуей Свободы, глядеть на восток и знать, что дальше, до самой Европы – ничего, только волны и ветер, только океан. О том, что Испания пахнет чесноком и пылью. О том, как месяца полтора назад пришлось уволить директора одного из филиалов – представляешь, такой, из молодых да ранний, полгода не проработал, а уже подворовывать начал, да еще так глупо, смех и грех. Таня ахала, качала головой, смотрела внимательными серьезными глазами – понимала.

Он старался особо не углубляться – незачем втягивать очаровательную девушку в мрачные бизнес-дебри, не девичье это дело, – но все же, все же. Забавные привычки мексиканских ранчеро или различия в китайской и японской чайных церемониях – это, конечно, очень увлекательно, но основная-то часть его жизни – это дела. Любая тема так и норовит к ним свернуть. Слегка сердясь на самого себя, он попытался поговорить о самой Тане.

– Я тут, можно сказать, распинаясь, как массовик-затейник, а ты помалкиваешь, только улыбаешься. Мы знакомы уже почти сутки – считай, целая жизнь, – а я до сих пор ничего о тебе не знаю. Где живешь? Чем занимаешься? Кроме гонок на своем верном коне?

Таня неопределенно повела плечом.

– У меня совсем не такая насыщенная жизнь, как у тебя. И профессия вполне заурядная. Так, консультант по разным техническим вопросам. Немножко похоже на аудиторство. Контора, где я числюсь, то и дело посылает нас – ну, то есть меня и других сотрудников – в долгие командировки по разным фирмам, компаниям, корпорациям. Так что, хотя прописана я в Москве, жить там практически не живу. Помнишь старую песню: «Мой адрес – не дом и не улица, мой адрес – Советский Союз!»? Вот это про меня. Вся жизнь в разъездах, вся жизнь в дороге.

– Какого хоть рода технические вопросы? – не унимался Сергей. – Торговля? Производство? Услуги?

– Скорее услуги, – неохотно ответила Таня. – Юридического толка... Сerez, я не скрываю, но вот, честное слово, совершенно не хочется сейчас о работе говорить. Я так рада, что в отпуске, каждой минуткой наслаждаюсь. Тем более здесь, в Питере. У тебя какое тут любимое место?

– Знаешь ли, Таня, – отвечал Сергей серьезным, почти торжественным тоном, хотя глаза его искрились смешинками, – в этом городе есть небольшой, но совершенно удивительный

ресторан. И называется, ты только представь, «Счастье»! И там случаются счастливые встречи. И вообще этот ресторан волшебный. Там, например, стоит волшебный железный конь...

– ...который ужасно соскучился по своей хозяйке, – со смехом подхватила Таня, – и ждет не дождется, когда она наконец заберет своего скакуна, и они смогут умчаться в сказочную даль.

– Насчет сказочной дали – ни-ни! – Сергей сдвинул брови и строго погрозил пальцем. – А вот уютное стойло в тихом дворе на улице Декабристов – именно то, что нужно. Но перед тем мы славно покутим в волшебном ресторане. У нас ведь юбилей, мы знакомы уже сутки, это необходимо достойно отпраздновать.

Девушка опять засмеялась.

– Если мы станем отмечать такие юбилеи ежедневно, даже владеец «Полной чаши» может остаться с пустыми карманами...

– Да ладно, – беззаботно отмахнулся он. – Как-нибудь выдержу. Тем более что это расходы на развитие бизнеса.

– Каким это образом? – удивилась Таня.

– Самым что ни на есть обыкновенным. Когда у человека хорошее настроение, дело спорится, идеи брызжут фонтаном, а удача только и ждет, как бы помочь радостному человеку. А когда настроение никакое – ни идей, ни целей, ни, главное, удачи. Все валится из рук, а бизнес валится в пропасть.

– Ну, положим, – девушка усмехнулась, – дела у тебя и до нашей встречи шли неплохо.

– Неплохо, Танечка, и великолепно – это, как говорят в Одессе, две большие разницы, – назидательно сообщил Сергей, вытаскивая айфон. – Та-ак, что там навигатор говорит? Где мы вообще находимся...

– ...и далеко ли нам до «Счастья»? – улыбаясь, скаламбурила девушка.

– Ого, – хмыкнул Субботин. – Это мы аж до Песков дотопали. До «Счастья» нам отсюда не меньше часа шагать. Может, такси вызовем?

– Да я не устала, – помотала головой Таня. – Еще погулять хочется.

– Точно, – кивнул Сергей. – Грех в такую ночь разъезжать по Питеру на такси. Настоящие бродяги, охотники за счастьем, должны стоптать сколько-то там башмаков, прежде чем доберутся до цели. Так что давай просто пойдем в ту сторону. Если попадется симпатичное местечко, там и отметим. А может, и до «Счастья» дойдем. Ведь есть же оно – счастье-то?

– Хотелось бы, – задумчиво ответила девушка. – А то здесь как-то сомневаться начинаешь, мрачноватый какой-то район, неприветливый.

– Ну, не скажи, – возразил Сергей. – Сейчас-то его привели в порядок, очень приличное место получилось, практически центр. Смольный, Таврический дворец, Таврический сад... Ну... дворы, конечно, не того. Но они в Питере все – не того. Колодцы какие-то, а не дворы. Пещеры людоедские. Даже в белую ночь темные. Туда и заходить-то не тянет, разве что очень поневоле.

Замечание Сергея оказалось, увы, пророческим. Из непроглядно темной подворотни выдвинулась мрачная фигура: низкий, как у первобытного человека, лоб, звериный взгляд, обвисший спортивный костюм, оттопыренные уши, торчащие из-под венчавшей бритую голову кепки. Даже не гопник, а прямо-таки карикатура на гопника. Вот только несмешная. И, точно отрабатывая классику жанра, парень прохрипел:

– Слыш, кореш, закурить не найдется?

Сцена напоминала эпизод из третьесортного фильма. Сергей поморщился.

– Не курю, – вежливо, но сухо ответил он и попытался пройти мимо дурацкого карикатурного персонажа. Но...

Сильный толчок в спину вбросил его в подворотню, где поджидали еще двое таких же «неандертальцев». Эти уже не спрашивали закурить, а сразу приступили к делу. Точнее, к

телу. Один мгновенно обхватил Сергея, прижав его руки к туловищу, и практически повис на нем, клоня к грязному асфальту. Субботин согнулся, чтобы, распрямившись резким рывком, стряхнуть захват. Но тут второй, пониже и пошире, коротко размахнулся...

В голове на мгновение как будто вспыхнуло ослепительно-белое пламя. Потом внутренний «экран» загорелся и погас, так что продолжения «фильма» Сергей уже не видел.

А посмотреть было на что.

Хрупкая фигурка прыжком влетела в арку подворотни, оставив снаружи любителя покурить, которому сейчас явно было не до курева: корчась на шербообразном асфальте, он судорожно разевал рот, пытаясь протолкнуть в горло хоть глоток воздуха. Получалось не очень.

– Ты, сучка, вали, пока цела, – рывкнул уже склонившийся над телом Сергея «любитель тесных объятий». – Или тебе невтерпех? – он мерзко осклабился. – Так мы с Серым тебя сейчас... – он начал было подробно объяснять, что и как «они с Серым» будут проделывать...

Но договорить не успел: Таня резко махнула ногой, раздался хруст, и несостоявшийся «любовник» сполз по кирпичной стене, орошая себя и асфальт обильно хлынувшей из сломанного носа кровью.

Коренастый был, похоже, самым опытным из троицы – хотя бы по принципу «на безрыбье и рак рыба», – от летящей в его лицо пятки он успел уклониться и даже взмахнул зажатой в руке бейсбольной битой. Но девушку просвистевшее мимо уха оружие взволновало не больше, чем зудящий над головой комар. Она легко ушла из-под очередного удара, и в следующее мгновение ребро ее ладони уже врезалось в кадык коренастого. Эффективность девушка явно предпочитала и эффектности, и разнообразию: таким же ударом полминуты назад она отключила первого из нападавших, того, который корчился сейчас на границе света и тени, между темнотой подворотни и серебристым в свете белой ночи тротуаром.

Поведя плечами – все-таки схватка произошла совершенно неожиданно, так и мышцы недолго сорвать – Таня склонилась к Сергею. Тот, к счастью, не только был жив, но и уже приходил в себя. Легкими, но уверенными движениями она обследовала его руки, ноги, ребра, рану на голове. Вроде ничего серьезного. Хотя сотрясение – наверняка...

– Сереж, посиди спокойно, сейчас я вызову «Скорую» и полицию, – Таня потянулась за телефоном.

– Нет! – с неожиданной силой остановил ее Субботин, хотя голос его был еле слышен, а язык едва ворочался. – Никакой полиции... Надо отсюда уйти... И скорее.

– Как скажешь, – согласилась она. – Встать сможешь?

Таня закинула себе за шею его руку и почти рывком подняла его на ноги.

– Пошли, раненый боец! – слабо усмехнулась она.

Сергей немного постоял, опираясь на стену и Танино плечо. Его била мелкая дрожь, ноги подламывались, перед глазами плыли разноцветные круги. Через пару минут, по-прежнему цепляясь за Таню, шагнул. Тело повело в сторону, но он устоял. Следующий шаг получился лучше. Следующий – еще лучше. Таня бережно поддерживала его, не обращая ни малейшего внимания на поверженных противников. А уж им тем более было не до нее, ни один даже на четвереньки еще не смог подняться. Коренастый же, похоже, и вовсе лежал без сознания, даже не пытаясь сменить неудобную позу, а в горле его что-то прерывисто булькало.

Все произошло так стремительно, что прохожие, показавшиеся в дальнем конце улицы в тот момент, когда первый гопник выдвинулся из подворотни, еще не добрались даже до ее середины. Никто ничего не видел. А если бы видел, либо не успел понять, либо постарался как можно скорее оказаться подальше от места происшествия. Своя рубашка, как ни крути, ближе к телу.

Шагов через двадцать Таня остановилась. Критическим взглядом осмотрела Сергея, в том числе и рубашку – следы от грязного асфальта, конечно, есть, но, если не приглядываться, терпимо – и замахала рукой едущей навстречу машине.

Прислонив Сергея к стене, она споро перебежала через пустую улицу к притормозившему автомобилю.

– Что, перебрал твой приятель? – равнодушно поинтересовался водитель. – Пьяных не вожу. Потом салон не отчистишь.

– Нам срочно нужно в больницу, – твердым голосом потребовала Таня. – Я заплачу, сколько надо. Он не пьян. Моему, – она замялась, – другу плохо, ему нужна помощь.

Пожилой круглолицый водитель, типичный работяга, поглядел на явно готового потерять сознание Сергея, которому Таня помогла подойти к машине, принялся:

– Вроде и правда не пьяный, – он взглянул вперед, где возле злополучной подворотни стоял на четвереньках «любитель покурить». Поколебавшись немного, шофер кивнул: – Ладно, садитесь.

Сергей рухнул на заднее сиденье, Таня уселась рядом, положив его голову себе на плечо.

– Держись, все будет хорошо, только держись.

Водитель не стал любопытствовать, обошелся без вопросов и советов, лишь крепче вцепился в руль и старался ехать побыстрее. Им помогала не только опустошившая улицы ночь, им помогал, казалось, сам бог дороги – если такой существует: ни одного красного сигнала светофора, ни одного сумасшедшего пешехода, прыгающего в неположенном месте чуть не под колеса. До ближайшей больницы долетели в считанные минуты.

– Эй, красавица, – буркнул водитель, когда Таня расплатилась – очень щедро. – Может, помочь? Ну, довести твоего приятеля до приемного покоя?

– Ничего, спасибо, – улыбнулась Таня. – Мы справимся.

Она помогла Сергею выбраться из машины и практически на себе дотащила его до приемного отделения.

– Это мой знакомый, Сергей зовут, фамилия Субботин, – объяснила она сонной дежурной. – Он москвич, приехал белые ночи посмотреть. Мы гуляли, и у него голова закружилась, упал и ударился головой о... как это у вас называется... ах да, о поребрик, – вспомнила она питерское слово. – У него вообще бывают приступы головокружения, видимо, что-то сосудистое. Ну и вот... похоже на черепно-мозговую травму...

– Вы медик? – с интересом спросила дежурная, словно проснувшись, чему немало способствовала скользнувшая в карман ее халата купюра.

Таня неопределенно повела плечом.

В конце концов, после осмотра и прочих процедур Сергея поместили в двухместную палату, где уже лежал какой-то горемыка с ногой на вытяжке. Быстрому решению проблемы немало способствовали и денежные купюры, которые Таня с безразличным лицом – зная ничего не знаю ни про какие деньги, это оно само – совала врачам и медсестрам.

– Ничего с вашим другом особенно страшного нет, – успокоил ее усатый осанистый врач травматологического отделения. – Ну, сотрясение, конечно, но не так чтобы, средней тяжести; ну, гематома – подкожная, не внутричерепная, не пугайтесь; ну, кожа на затылке немного содрана. Отлежится немного, скоро будет как новенький.

Сергей, постепенно приходя в себя, не уставал удивляться: Таня заботилась о нем так, как не каждая жена станет. А вроде бы едва знакомы. Не дожидаясь просьб, она съездила в квартиру на Декабристов и привезла все необходимое, чего не хватало, покупала, и главное – почти постоянно была рядом, ухаживая, поддерживая и ободряя. Но, что еще удивительнее, Сергея эта неожиданная опека совсем не тяготила, даже не смущала. Вот ни капельки не было ему стыдно, что он, здоровый мужик, лежит беспомощный, а Таня с ним нянчится. Как будто они вместе всю жизнь, и так и надо – чтобы она привозила воду, апельсины и крем для бритья, сидела у постели, глядела встревоженными глазами и спрашивала, не тошнит ли. Чудеса, право слово!

И уж тем более в его травмированной голове не укладывалось, как хрупкая девушка ухитрилась в одиночку справиться с тремя гопниками. Таня, не задерживаясь на этой теме, объяснила, что когда-то занималась в секции – именно потому, что хрупкой девушке просто необходимо хоть минимально владеть приемами самообороны. Занималась недолго, времени не хватало, да и командировки постоянные не оставляли много возможностей, но кое-чему все же научилась. По правде сказать, Сергею показалось, что Танина сноровка значительно превышает «минимальные приемы самообороны», но в конце-то концов он не слишком хорошо помнил, что там, в этой подворотне, произошло.

Таня, в свою очередь, довольно настойчиво интересовалась, почему он не захотел обратиться в полицию – ни сразу после драки, ни позже. Как-то странно. Сергей, изобразив некое подобие улыбки, хотя и довольно кривой, неохотно объяснил:

– Ты только представь, сколько желтых и не очень журналистов слетелись бы поклевать жареного! Я все-таки не Вася с улицы, а довольно известный бизнесмен, по крайней мере в своей области. Это же горячая новость – владелец торговой сети избит... да еще и в другом городе! Начнут обсасывать подробности – век не отмоешься. Ну, напала гопота в подворотне, с кем не бывает. А разнесут на всю страну. И конкурентов приплетут, и еще чего-нибудь насочиняют. И зачем мне столь сомнительная слава? Я ж не поп-звезда, для тех-то скандалы – реклама. А мне как-то совсем некстати. Плюс хождения в полицию, допросы, показания, заявления, опознания, суды... Времени на это нужно – уйму. А у меня совсем другие планы.

Сергей немного помолчал и добавил со вздохом:

– И потом... Тебе-то это тоже не нужно. Насколько я понял, ты, защищаясь от этой шпаны, слегка перестаралась. Полиции это вполне могло не понравиться. У нас сейчас очень любят за превышение предела самообороны привлекать. Доказывай потом, что не верблюд. Тебе оно надо?

– Мне показалось, что ты там был не в том состоянии, чтобы замечать подробности. – Таня усмехнулась и добавила уже мягче: – Но ты прав, конечно.

Усатый врач тоже не ошибся с прогнозом. Уже через три дня Сергей почувствовал себя почти нормально и отчаянно запросился домой, в питерскую квартиру – мол, лежать и там можно, чего койку занимать. Деньги и тут послужили отличным средством для достижения взаимопонимания. Ценного пациента прямо на «Скорой» отвезли на улицу Декабристов, где два дюжих санитаров на носилках, чтоб паче чаяния не споткнулся, внесли его в квартиру. Все тот же осанистый усач – травматолог Михаил Михайлович – снабдил его кучей рецептов, советов и рекомендаций, обещал заглядывать для регулярного осмотра и дал на всякий случай номер мобильного.

– Вот ведь невезуха, – резюмировал Сергей, удобно разместившийся наконец-то в привычной обстановке. На комод напротив окна в большой китайской вазе вольготно раскинулся букет сирени. Тот самый, что он тогда вместе с чудесным платьем притащил. Надо же, почти свежий, а кажется, что сто лет прошло. – Откуда только эту шпану на нас вынесло?! И я, как балбес безмозглый, увлекся романтикой, не обращая внимания на окружающее. Взрослый мужик, не пацан – тьфу, как стыдно!

– Ты ничего не мог сделать, все произошло слишком неожиданно, – вздохнула Таня, присаживаясь в кресло напротив.

– Но ты-то смогла! – возмутился он.

– У меня было время подготовиться, – улыбнулась было девушка и как-то смешалась.

– Подготовиться? За пару секунд? – недоверчиво хмыкнул Сергей. – Этому тебя в секции самообороны научили? В перерывах между командировками?

– Ну... Сerez! – Таня пристально посмотрела ему в глаза, точно решившись на что-то, и накрыла его руку своей ладошкой. – Мне нужно тебе сказать...

– Ну?!

– Не торопи меня. Пожалуйста, – она слабо улыбнулась. – Понимаешь... За эти дни ты стал мне очень дорог. И даже не за эти дни. Буквально за первые сутки нашего знакомства. Глупо, да? Только встретились и...

– При чем тут... Я, наверное, тоже... но я же не об этом спрашивал, – нахмурился он, но голос звучал уже мягче, похоже, слова девушки порядком его тронули.

– Об этом, Сереж, – еще мягче добавила Таня. – Когда... ну, когда этот гад тебя толкнул, а там еще морды... Знаешь, у меня как будто взорвалось что-то внутри. Черт его знает, резервы какие-то, что ли. Как будто у меня самое главное в жизни отбирают. В тот момент я не то что троих, я бы десятерых раскидать могла. Ну... мне так казалось.

Она рывком поднялась с кресла и, справляясь со смущением, заходила по комнате.

Сергей долго молчал, потом, словно очнувшись, проговорил:

– Знаешь, со мной что-то похожее. Да еще ты так за мной в эти дни ухаживала – как будто мы с тобой всю жизнь... Нет, не в этом дело. Еще раньше. Как-то сразу вышло, как будто ты – самый близкий для меня человек... Книжки об этом сочиняют, фильмы всякие... Но чтоб в жизни... Не думал, что так бывает... Потому и расслабился. И – бемц! Реальность опять напомнила о себе самым неприятным способом. Подсунула полупьяных гопников, которым невтерпех было обчистить прилично прикинутого лоха. Придурки!

– Действительно. Даже чересчур, – задумчиво проговорила Таня. – Ну просто совсем придурки. Даже сумку у меня вырвать не попытались. А у тебя... Ну что они у тебя могли взять? Айфон разве что. Банковскими картами они все равно не смогли бы воспользоваться. Ну наличные... Сколько там у тебя по карманам было, вряд ли много...

– Тысяч несколько, – пожал плечами Сергей. – Добыча невелика, но айфон тоже денег стоит. На опохмел ребятам точно хватило бы. Ну или, может, им доза срочно требовалась.

Таня замотала головой.

– Нет, Сереженька, на наркоманов они точно не похожи. Наркоши медленные, тормозные. Они и драться-то толком не могут. А этот, коренастый, похоже, боец. Хотя и не слишком классный, конечно, но все же. Мне ведь просто повезло, потому что они не ожидали, что мы окажем сопротивление.

– Мы? – усмехнулся Сергей. – Это ты оказывала сопротивление, а я валялся как мешок с песком, – он нервно схватил телефон и начал вертеть его в руках, стараясь не смотреть на девушку.

Таня подошла поближе, присела перед ним на корточки, заглянула в лицо.

– Сережа!.. Послушай... Ты можешь сказать, что мне мерещится, но все-таки мне кажется, что ты что-то не договариваешь. Нет, я не лезу в твои дела, но... Я и вправду очень испугалась. И такое ощущение, что нападение было не случайное. Эти типы – не обычные гопники. Ну... то есть... гопники-то они гопники, но, похоже, они ждали именно тебя. Как будто... как будто их кто-то нанял. Я могла, конечно, со страху себе всякого навоображать, но как-то все это странно было. Неправильно...

– Ну ты даешь! – засмеялся он, но смех вышел каким-то натужным, словно через силу. – Тебя послушать, прям голливудский боевик какой-то! Слежка, покушение, наемные гопники... Триллеров, что ли, насмотрелась?

Засмеявшись, Сергей взмахнул рукой, айфон выскользнул из влажной ладони и шлепнулся на ковер. Нагнувшись, чтобы поднять телефон, он поморщился – в голове слегка кольнуло, к горлу подступила дурнота. Ох, рано еще зайчиком скакать, после сотрясения первое дело – отлежаться, и врач то же говорил...

Что-то коротко щелкнуло, звякнуло, ваза с сиренью вдруг рассыпалась водопадом осколков. На комод и на пол хлынула вода. Следом, как в замедленной съемке, цепляясь друг за друга, стали валиться сиреневые ветки.

Таня метнулась к так и не успевшему разогнуться Сергею, молниеносной подсечкой сбила его с кресла и прижала к паркету, скомандовав:

– Не вздумай подыматься!

Надо же, какой командный тон, а главное – какая реакция, восхитился Сергей. С каждым днем – да что там, с каждым мгновением девушка нравилась ему все больше и больше. Не то что эти гламурные нюни на шпильках. Впрочем, шпильки ей тоже очень идут, с удовольствием вспомнил он.

– Осторожно, не поднимая головы, повернись к окну, – шепотом инструктировала Таня. – Видишь, дырочка, а от нее трещины разбегаются? Типичный след от пули. И стреляли, сам понимаешь, не в эту несчастную вазу, а тебе в голову. Ты случайно нагнулся, и вместо твоей головы досталось вазе, – девушка нервно хихикнула. – Сереж, что вокруг тебя происходит? Ничего не понимаю!

– Да ладно, Тань, – попытался успокоить ее Сергей. – Что за глупость! Ну какая там пуля? Мальчишки камнем швырнули, а ты всполошилась.

– Нет, – медленно проговорила она. – Не камнем и не мальчишки. У камня скорость не та, чтобы дырку пробить, от него стекло просто рассыпалось бы. Так что давай потихоньку отползем вон туда, к окну, – все тем же напряженным шепотом произнесла Таня. – Тут нас не будет видно, – пояснила она, когда они осторожно переместились под широкий подоконник и уселись, прислонившись спинами к стене.

– Мертвая зона, – усмехнулся Сергей. – И долго так будем сидеть? Глупость какая-то. Я чувствую себя персонажем всех «Крепких орешков» вместе взятых.

– Немного посидим, – серьезно ответила Таня. – Лучше уж сидеть живым в мертвой зоне, чем лежать трупом у всех на виду.

Она осторожно передвинулась к соседней стене и, распластавшись на полу, дотянулась до комода. Пошарила на полу среди осколков злополучной вазы, разбрасывая ветки и бормоча:

– Ну не в стену же, не должна была, столько воды... Есть! – Таня продемонстрировала ему кривой смятый кусочек металла. – А ты говоришь – камнем...

Как-то само собой получилось, что командование в этой странной ситуации взяла на себя Татьяна. Сергей, казалось бы, привыкший принимать решения самостоятельно, удивлялся, что не испытывает в роли опекаемого особой неловкости. Опять разболелась голова, начало подташнивать, тело накрыла гадкая вязкая слабость...

– Да уж... Похоже, надо уезжать из Питера, – буркнул он. – То гопники в подворотне стерегут, то хулиганье по окнам стреляет. Да согласен я, согласен, что не камнем. Но и ты согласишься, вполне могли мальчишки из пневматики пальнуть.

– Из пневматики? – Таня скептически покрутила в пальцах искореженную пулю. – Ну... может быть.

– Ну да как бы там ни было, а что-то не везет мне здесь в этот приезд. Хотя, – весело хмыкнул он, – это еще как посмотреть. Тебя вот встретил. А по сравнению с этим все остальные неприятности – сущие пустяки. Так что уезжаю я только вместе с тобой, договорились?

– Договорились, – улыбнулась девушка, – тем более что ты еще не оправился, как тебя одного отпускать. Да и вообще я как-то не привыкла друзей в беде бросать. Уж вместе так вместе.

Сергей благодарно сжал ее руку.

– Спасибо тебе. Хотя я и не думаю, что это какая-то беда. Просто невезуха, ничего больше. Но уезжать надо, это точно.

Они еще немного посидели под окном, потом Таня ухитрилась, не вставая, задернуть шторы, и они смогли подняться. Не ползать же в самом-то деле по полу, смешно. Но Сергей начал чувствовать, как его начинает наполнять липкий, холодный, скользкий страх.

– Сереж, тебе полежать нужно, все же ты у нас пока «раненый боец». – Таня помогла ему перебраться на диван. – А я займусь подготовкой к нашему... трансферу. Не думаю, что стоит напрямик торопиться в Москву. Тем более что мне еще нужно заняться кое-какими делами. Это недолго, но придется немного выждать. Не здесь, разумеется. Устроим небольшую рокировку.

Сергей кивнул и решил, что сделал это напрасно – в голове опять начали перекатываться тяжелые бильярдные шары. Вот уж действительно – «раненый боец».

Подготовка к «трансферу» началась с вызова стекольщика. Нельзя же, в самом деле, было оставлять на всеобщее обозрение окно с зияющей посередине небольшой, но заметной дыркой, в которой любой, кто хоть раз смотрел боевик, опознал бы пулевое отверстие. И ладно бы – любой, но привлекать внимание правоохранительных органов в планы Сергея уж точно не входило.

Перед визитом мастера Сергей, чертыхаясь, доколотил дырявое стекло молотком, а Таня тщательно убрала все осколки – и оконные, и от вазы. Не слишком трезвый стекольщик починил окно кривовато, но Сергей только рукой махнул.

– Все равно тут никто, кроме меня, не бывает. А когда я сюда вернусь, неизвестно. И вернусь ли вообще...

Вечером из подъезда вышла затаенная в мотокостюм Таня, небрежно помахивающая шлемом и беззаботно поглядывающая по сторонам. С тем же видом «девушка на прогулке» она обошла квартал, скользким, но внимательным взглядом изучая все уголки, могущие послужить потенциальным убежищем снайпера. Проклятые белые ночи, все как на ладони!.. По уму, конечно, следовало бы в первую очередь проверить чердаки, но Таня ограничилась беглым осмотром окрестных подъездов – вроде все замки в порядке, значит, и на чердаках, скорее всего, чисто. А если там кто и засел, то уже такого класса, что беглым осмотром не обнаружишь...

Ладно, рискнем. Она решительно нажала кнопку мобильного.

Через несколько минут из подъезда вышел работяга в замызганной спецовке и обвисшей бейсболке, уныло тащивший чемоданчик, в которых мастеровые люди носят набор инструментов. Сутулясь и не обращая никакого внимания на окружающее, мужик зашагал прочь со двора, ведомый, вероятно, единственной тягой – добыть пузырь, чтобы вечер не пропал зря.

Таня, наблюдавшая из-за угла, усмехнулась – надо же, какие актерские таланты. Эти унылые плечи, шаркающая походка... Слесарь-электрик-водопроводчик, сердитый на неурочный вызов и жаждущий добраться наконец до вечернего стакана огненной воды. Сергей – молодец, ничего не скажешь. Потому что сама-то маскировочка так себе, собранная из чего попало. Подходящий чемоданчик нашелся на антресолях. В гардеробе выбрали куртку самого невзрачного цвета и пару часов старательно мяли ее и пачкали, чтобы придать убедительно «рабочий» вид. Щедро сдобренная мукой, маслом и черт знает чем еще, слегка выстиранная, а главное – высушенная в стиральной машине одежда выглядела теперь так, словно ее жевал гиппопотам. Бейсболка, прошедшая тот же цикл, выглядела чуть «новее», но тоже вполне убедительно.

Осторожно, отставая на двадцать-тридцать метров, Таня следовала за Сергеем, который брел по улице, все так же ссутулившись, опустив голову и не глядя по сторонам. В ее же голове мысли бродили не слишком радостные.

Через пару кварталов Сергей свернул в небольшой переулок, где дожидалось вызванное заранее такси. Таня, убедившись, что отъезд прошел благополучно, быстро дошагала до спрятанного в укромном месте мотоцикла и понеслась по заранее намеченному маршруту.

Через полчаса они встретились в условленном месте, где Сергей отпустил такси и выбросил в ближайший мусорный бак спецовку, оставшись в «гражданской», хотя и достаточно неброской одежде – джинсах и легкой ветровке поверх футболки. Таня протянула ему запасной шлем, и через несколько минут они уже мчались на верном байке в сторону Парголова.

Питер вскоре остался позади, узкую дорогу обступили мрачные ели и светлые высокие березы. И вот наконец шоссе влилась в такие же узкие улочки, на которых вполне современные коттеджи чередовались с просевшими от старости домиками «с историей». Впереди оловянно блеснуло озеро, среди душноватых, типично дачных ароматов пыли и душистого табака пахнуло водой и свежестью.

Таня что-то крикнула, но из-за несущегося навстречу ветра Сергей ее не расслышал.

– Что ты говоришь? – он наклонился поближе.

Девушка сбросила скорость до минимума и слегка обернулась.

– Говорю, что вот это – Финское озеро, некоторые еще называют его Чухонским. А улица, на которую мы выехали, называется Пляжевая. Смешное название, правда? Не Пляжная, а Пляжевая. Хотя до пляжа отсюда еще топать и топать. Это я к тому, что мы, в общем-то, приехали.

Она круто свернула в узкий проулок, проехала вдоль дощатого, когда-то, вероятно, зеленого забора и, затормозив перед покосившимися щелястыми воротами, ловко соскочила с седла. Вдвоем они открыли ворота и закатали мотоцикл в небольшой, изрядно заросший двор. Справа из сплошного переплетения боярышника, малины и сирени выглядывал дощатый сарайчик, прямо перед ними высился скромный домик, такой же облезлый, как и все его окружение.

– Мои друзья живут за границей, так что этот дом в полном моем распоряжении, – пояснила Таня и, понизив голос, добавила: – Надеюсь, нас все-таки не выследили. Я проверяла, конечно, по трассе за нами никто вроде не шел, там далеко видно, и по округе покрутилась, прежде чем сюда свернуть, кажется, никто не увязался. Хорошо, если так. Значит, некоторое время можем чувствовать себя почти в безопасности. Почти...

Сергею ужасно нравилось, что она так легко и свободно говорит «мы», «нас». Как о едином целом. Хотя и не слишком приятно было чувствовать себя в роли эдакого «живого чемодана».

– Берут, кладут, грузят, везут, выгружают, – кисло усмехнулся он. – Непривычно, знаешь ли. До этого момента все решения я всегда принимал сам.

– Ничего, зато будешь цел, – утешительно улыбнулась Таня, наклонилась и чмокнула в макушку. Как маленького, честное слово! – Сам подумай, кому нужен чемодан с дыркой в боку?

Зайдя в дом, они тщательно заперли двери и окна, провели ревизию содержимого старенького холодильника, наскоро перекусили и решили сразу лечь спать. Оба изрядно устали и чертовски перенервничали, так что «спать» означало просто спать. И то, что в доме не нашлось двуспальной кровати, было только к лучшему. Таня постелила Сергею на диване, сама устроилась на узкой тахте в соседней комнате и, кажется, мгновенно уснула.

А Сергею не спалось. Он следил за пляшущими на потолке бликами и тенями – белая ночь, черт бы ее взял! – и перебирал в памяти события последних дней. Неужели Таня права, и за ним действительно идет настоящая охота? Верить в такое не хотелось, но как там говорится? Лучше быть живым параноиком, чем мертвым оптимистом. И отсидеться немного в безопасном месте, подумать, попытаться понять, что, собственно, происходит, – правильная мысль.

Вот только нашел это укрытие не он. Хозяйка убежища, хоть и говорила «мы», и Сергею это нравилось, черт побери, но... Когда они добрались до этого чужого, темного, неудобного дома, он почувствовал – несмотря на «мы» – пролетевшую между ними тень отчуждения. Не то чтобы Таня так уж явно отдалилась, но... Опять – но! Сергей совсем ее не понимал. Эта необычная девушка появилась в его жизни так вовремя, так бережно о нем заботится, по сути дела жизнь спасает, даже рискуя собой... Почему? Из-за внезапно вспыхнувших чувств? Ну, бывает и такое, но... Но!

Старый дом скрипел своими деревянными ребрами, глухо вздыхал, словно жаловался. Под этот скрип, под мелькание теней на беленом потолке Сергей, так ничего толкового и не надумав, забылся наконец неглубоким, беспокойным сном. Снилось ему почему-то яркое, все в солнечных бликах южное море. Из прозрачно-синего сверкания вздымалась угрюмо-серая бронированная гора, оцетинившаяся десятками разнокалиберных ствольных жерл – словно чудовищные стальные щупальца, высматривающие потенциальную добычу. Вжавшийся в узкую трещину в скале, Сергей чувствовал, что смертоносные «глаза» ищут именно его, а ему, кроме этой скалы, и спрятаться негде, остается только вжиматься изо всех сил в нагретый камень, надеясь, что не заметят, что проскочат мимо...

Утром, впрочем, ощущение отчужденности почти рассеялось. Они мирно позавтракали, наслаждаясь поистине пасторальной тишиной, которую даже воробьиный гомон за окнами не разрушал, а лишь подчеркивал. Чивик-чивик, сюда-сюда, тут тихо, тут еда, тут безопасно.

– Пару-тройку дней здесь переждем, – задумчиво проговорила Таня. – Только... Мне придется ненадолго уехать. Мне очень нужно повидать одного человека, и отменить эту встречу я, к сожалению, не могу.

– Ты же говорила, что в отпуске? – с деланным интересом спросил Сергей, опять почувствовав мелькнувшую промеж них «кошку».

– Встреча была запланирована давным-давно, поэтому никак. – Таня пожала плечами. – Сереж, это не изменить, надо просто принять. Побудешь здесь, все равно разумно переждать. Здесь, думаю, достаточно безопасно. А потом, если все будет хорошо, попытаемся перебраться в Москву.

– А ты допускаешь, что может быть и плохо? – Сергей хмыкнул, недоуменно приподняв брови. – Мне-то казалось, что самое плохое уже позади. Потому что... Возможно, кто-то просто ошибся. Ну, приняли меня за кого-то другого...

– Может, конечно, и так... – Таня, нахмурившись, покачала головой. – Но все-таки лучше перестраховаться. Если это действительно ошибка, мы ничего не теряем – кроме пары дней. А если нет... В общем, просто по соображениям безопасности лучше особо не расслабляться и быть готовыми ко всему. Честно сказать, не нравится мне все это!

Сергей вяло повел плечом:

– Я, знаешь ли, тоже не в восторге.

– Ладно, – улыбнулась Таня. – Как бы там ни было, а после травмы тебе все еще нужен отдых. А тут тихо, спокойно, воздух свежий... Такая деревенская глушь, в общем. Но симпатичная. Даже поскучать тут приятно. Деревня, где скучал Евгений, была прелестный уголок, – неожиданно процитировала она.

– Ты так хорошо помнишь «Евгения Онегина»? – удивился Сергей. – Это из-за своего имени?

– Да нет, – засмеялась Татьяна. – Память когда-то тренировала, так что наизусть выучила почти целиком. Ну а имя – это уже так, вишенка на торте. Приятнее учить было.

– Мне, что ли, тоже что-нибудь поучить? Пока тебя не будет... – Сергей потянулся.

– Я ненадолго уеду, – пообещала она. – Вернусь вечером. В самом крайнем случае – завтра в первой половине дня. Продуктов в холодильнике достаточно, так что голодная смерть тебе не грозит. А потом начнем решать наши проблемы.

Сергей отметил, как естественно прозвучало это «наши», и отчеканил, как отрапортовал:

– Узник замка Иф готов терпеливо сносить тяготы заключения! – рассмеялся и добавил: – Уж как бы там ни было, здесь веселее, чем в больнице.

– Вот и чудесно! – Таня просияла. – Тогда я помчалась, а ты отдыхай. Если сумеешь, постарайся поспать. Набирайся сил. Они тебе еще пригодятся.

Она мигом облачилась в свою кожаную экипировку, чмокнула на прощание Сергея в нос, вывела мотоцикл за ворота, оседлала его и, лихо газанув, унеслась прочь.

Сергей медленно закрыл створку и так же медленно побрел к дому.

* * *

Узкая серая лента шоссе стремительно убегала под колеса ревущего байка. Несмотря на скорость, Таня слегка расслабилась. Напряжение последних дней начало отпускать. Этой ночью Сергей, наверное, думал, что она спит как убитая. А она следила за мечущимися по потолку бликами и думала, думала, перебирая воспоминания, как перебирают четки...

...Удар и мгновенный отскок, удар-отскок, удар-отскок... И так до бесконечности, до боли во всем теле, до багровых кругов перед глазами. Ей казалось, что мягкий, как настоящее человеческое тело, манекен ехидно ухмыляется. И с каждым ударом ухмылка становится все ехиднее. Ах так?! Получай же! Еще! Еще! Только бы стереть с твоего искусственного, неживого, несуществующего лица эту проклятую ухмылку!

Таню остановил резкий оклик инструктора:

– Хватит! Остынь.

В кино инструкторами по рукопашному бою всегда бывают японцы, в крайнем случае корейцы – невысокие, поджарые, словно скрученные из стальных тросов, с кукольно блестящими гладкими черными волосами, непроницаемо узкими глазами и бесстрастными лицами. Как они смеялись над этим заезженным штампом! Кому-то из остряков даже пришлось в голову окрестить ни на грамм не «восточного» инструктора на японский манер – Коля-сан. Прозвище прилипло к невысокому, худому, даже щуплому мужичку намертво. Оттопыренные уши и окающая уральская скороговорка делали его немного комичным – ровно до того момента, пока ты не оказывался Колиным противником, тут уж было не до смеха. Таня видела «мастера» в деле несколько раз – не во время учебы, а позже, когда они стали уже почти друзьями. Встречались, правда, нечасто, но Тане очень нравилась Колина семья – большая, теплая, «детная». Пару раз им доводилось и в «операциях» вместе участвовать. И тогда ей думалось, что если «мастера» перекрасить в брюнета и подгримировать – будет вылитый Джеки Чан или даже Брюс Ли...

Но все это было потом. В учебке, куда Таня попала в результате причудливых зигзагов судьбы, мало что напоминало кино. Казарма и есть казарма. Ничего яркого, зрелищного, эффектного. Только эффективное, предельно серьезное и четкое. Все необходимое, и ничего лишнего.

Здесь, как иногда говорили преподаватели, «ковали штучные изделия»: людей, способных выполнить любую задачу в любом месте в любое время. Умеющих все или почти все. Способных выжить в любой обстановке, изготовив из того, что оказалось под рукой, все необходимое, включая оружие. И «рукопашка» была лишь одной из многих повседневных дисциплин. Одно «вождение» чего стоит. Вот разве что луноходом управлять не доводилось, и то лишь потому, что луноход – штука самостоятельная. Все же прочие «аппараты» – ездящие, плавающие, летающие – приходилось осваивать хотя бы на базовом уровне. Впрочем, кроме чисто физических навыков – спортивная подготовка, все основные виды оружия и транспортных средств, ну, и прочее в этом духе, – изрядная часть изучаемых предметов требовала немалого интеллектуального напряжения. Тензорное счисление им, конечно, не преподавали – за ненадобностью, – но, скажем, химию Таня знала неплохо. А уж ту ее часть, что касалась взрывчатых и отравляющих веществ, – и вовсе отлично. В обязательную программу входили, разумеется, и иностранные языки, порой весьма экзотические. Кроме нескольких европейских, Таня немного владела арабским и фарси, могла объясниться по-китайски и по-японски. Особое внимание уделялось «языку тела» – умению «читать» человека по его произвольной мимике и жестам, подстраиваясь, налаживать контакт с представителями любых социальных слоев, манипулировать, подталкивая к требуемым действиям...

Занятия были по большей части индивидуальными, жили курсанты в изолированных блоках, даже питались порознь, общение между ними не поощрялось. Причем не поощрялось категорически. Единственным человеком, с которым Таня встречалась много и регулярно, был ее непосредственный куратор Игорь Леонидович, человек неопределенного возраста, с коротко стриженными, совершенно седыми волосами, неожиданно яркими голубыми глазами и аристократическими манерами. Здесь, в учебке, где все было засекречено и законспирировано, все носили не свои имена – сама Таня числилась Светланой Добрыниной, – но Игорь Леонидович совершенно точно был Игорем Леонидовичем. Именно под этим именем Таня помнила его в своем собственном детстве. Тогда он казался ей ужасно старым: весь седой, только усы какие-то серые. Повзрослев, она поняла, что Игорь Леонидович вовсе не старик. Ну а седина – мало ли что седина. И усы вовсе не серые, а то, что называется «перец с солью» – темные с проседью. Усы он, кстати, носил недолго. Но даже научившись оценивать возраст более реалистично, от привычки относиться к Игорю Леонидовичу как к «умудренному опытом (убеленному сединами!) старцу» Таня не избавилась. Зачем? Ведь в самом деле – умудренный. Позже, не избежав, как и многие сверстницы, увлечения псевдояпонской культурой, она стала называть его на восточный манер. Не сэнсэй, конечно, это было бы как-то совсем уж фальшиво, но – Учитель. И самому Игорю Леонидовичу это, похоже, нравилось. Во всяком случае он ни разу ничего не возразил, а иногда даже улыбался довольно. Он всегда был с Таней сдержан, но она чувствовала, что Учитель относится к ней не просто как к способной и прилежной ученице, а как к родному, близкому и дорогому человеку.

Учитель дал ей больше, чем все преподаватели, инструкторы и наставники вместе взятые. И главными его дарами были не какие-то там боевые навыки, а чисто человеческое участие и ощущение теплых надежных рук. Рано осиротевшей Тане, выросшей после гибели родителей на попечении двоюродной тетки, это чувство казалось чуть не главной ценностью в жизни.

Отца Таня помнила смутно – легкий запах одеколона, смех, сильные ласковые руки, подхватившие ее, когда она чуть не свалилась с карусели... И все. Солнечный день, карусель, руки и смех. Фотографий отчего-то не сохранилось, по крайней мере у Тани их не было. А вот мамины фото в семейном альбоме остались – с них глядела тоненькая изящная женщина со струящимися по плечам волнами русых волос и нежной улыбкой по-детски пухлых губ. В ранней юности Таня подолгу рассматривала себя в зеркало – искала сходство – и вздыхала: мама казалась ей куда красивее ее самой.

Родители погибли в автомобильной катастрофе. Таня знала это, как знают о существовании Северного полюса – безлично. Ничего из того, что происходило четверть века назад, вспомнить не удавалось. Память словно исключила, заблокировала страшное. Как будто вот просто так вышло, что она стала жить с тетей Людой. Двухкомнатная «хрущевка» в Текстильщиках, детский сад в соседнем дворе, школа, спортивные секции... Спортом Таня с самого детства занималась много, причем разным. Поначалу она вовсе об этом не задумывалась, принимала как должное: раз тетя Люда говорит, что спортивные секции – это хорошо, значит, так и надо. Только гораздо позже тетка по секрету призналась, что на занятиях спортом настаивал Игорь Леонидович. Он дружил с Таниным отцом и после смерти друга не только помогал его осиротевшей дочери материально, но и незаметно, потихоньку направлял ее жизнь в подходящее русло. Какое русло Игорь Леонидович считал подходящим, Таня поняла лишь значительно позже.

Она росла замкнутой и стеснительной, но Игорь Леонидович сумел постепенно завоевывать ее доверие, с ним она была откровенна, делилась тем, что было на душе, прислушивалась к советам и старалась неукоснительно их исполнять. Когда Игорь Леонидович спросил, кем она собирается стать и где хотела бы учиться после школы, она смущенно, как всегда, призналась, что мечтает стать хирургом, но в медицинском страшный конкурс...

– Медицина – это хорошо, это правильно, – одобрил Игорь Леонидович. – Но в медицинском действительно конкурс мама не горюй. Что, если начать профессиональный путь с медучилища?

Училище Таня закончила с блеском, но от немедленного поступления в вуз Игорь Леонидович ее отговорил, посоветовав поработать в МЧС. Быть спасателем Тане понравилось, она даже, отодвинув мечту о хирургии, хотела остаться среди «чрезвычайщиков» и дольше, но... у Игоря Леонидовича были на нее другие планы.

– Ты говоришь, что твое призвание – помогать людям, – сказал он тогда. – Но помогать можно по-разному, разными способами. Можно умножать добро, можно противостоять злу, заслоняя от него то самое добро. К этому немногие способны, дело не слишком приятное. Опасное дело, а главное – грязное. Но, с другой стороны, разве приятно думать, что твое нежелание пачкать руки допустит смерть к десяткам, а то и сотням совершенно невинных людей, среди которых будут и женщины, и дети, – говорил он, внимательно глядя прямо Тане в глаза, точно испытывая, подталкивая к абсолютной честности. – Моя работа связана именно с такими малоприятными делами, в которых на кону, как правило, жизни ни в чем не повинных людей. Это, знаешь ли, многое меняет в системе оценок. Ну, скажем... Убийство – безусловное, казалось бы, зло, так? Но... Разве ты не выстрелишь в человека, который на твоих глазах душит ребенка?

– Выстрелю, конечно, как любой нормальный человек, – мгновенно ответила Таня. И, подумав, добавила: – Если будет из чего стрелять и если смогу быть уверенной, что не попаду в ребенка.

– Собственно, я так и думал, – кивнул Игорь Леонидович. – Пока ты росла, я наблюдал за тобой, присматривался. Ты сейчас сказала очень важную вещь: «Если буду уверена, что не попаду в ребенка». В тебе есть не только готовность защищать беззащитных любой ценой, но и способность, что называется, контролировать ситуацию, учитывая и оценивая все значимые обстоятельства, включая собственные навыки. Это, девочка моя, мало кому доступно. И, разумеется, этому нужно долго учиться. Но нужные способности у тебя есть. Ты не просто годишься, ты идеально подходишь. Помнишь наш разговор о твоей мечте стать хирургом? Моя профессия – и мне хотелось бы, чтобы она стала и твоей, – во многом сродни профессии хирурга. Только лечить приходится не отдельного человека, а общество. В нем тоже, бывает, развиваются язвы, гнойники и даже злокачественные опухоли – и все это требует безжалостного удаления. Иначе погибнет весь организм.

Рекомендация Игоря Леонидовича была первым, но далеко не единственным из того, что требовалось для поступления в спецшколу. Придирчивая медкомиссия, многочисленные тесты, испытания и собеседования заняли немало времени, но Таня, как ни странно, совсем не волновалась. Почему-то она была совершенно уверена, что ее примут. Зато потом, вымотанная невероятной плотностью учебного графика, временами чуть не головой об стенку билась от отчаяния – не могу, не выходит, не справлюсь.

Справилась, конечно. Чуть не лучшей в своем выпуске.

Может, именно потому первым же заданием для нее стала ликвидация. Требовалось обезвредить бежавшего из-под стражи рецидивиста – отморозка с обширным «опытом», главаря банды, на совести которого был не один десяток смертей. То ли из-за недоработок следствия, то ли благодаря ловкости адвоката большая часть «эпизодов» из уголовного дела «выпала» – то доказательства не должным образом оформлены, то свидетели в последний момент умолкают, не то купленные, не то запуганные. В итоге бандит вместо многократно заслуженного пожизненного отделался пятнадцатью годами. И что еще хуже, при этапировании на зону ухитрился сбежать. Милиция (тогда еще была милиция, а не полиция) сработала на совесть, отморозка выследили, но он, уходя от преследования, вломился в первую попавшуюся квартиру и взял в заложники хозяйку с двумя маленькими детьми. И пригрозил, что,

если ему не предоставят безопасный отход, убьет заложников, и не просто убьет, а будет резать и жечь их медленно – мол, терять ему все равно уже нечего. Психологический портрет, составленный экспертами, подтверждал, что ни на что человеческое рассчитывать не приходится, заложники для выродка – не только объект «торга», но и инструмент для получения жестокого садистского удовольствия.

От использования усыпляющего газа пришлось отказаться – слишком опасно для детей. Оставался только прямой контакт. Да еще такой, чтоб не насторожил зверюгу.

Специалист-переговорщик сумел убедить бандита допустить в квартиру детского врача – запуганные малыши нуждались в срочной медицинской помощи. Бандиту показали Таню – тоненькую, хрупкую, казавшуюся в белом халате совсем юной и беспомощной. И тертый, по-звериному осторожный урка, за версту чувявший опасность, купился как распоследний лох. Опыренный исходящими от заложников волнами страха, решил, что врачаха – это дополнительный фарт. Эти придурки там думают, что он уступает, а он – черта вам лысого! – и врачуху из квартиры не выпустит. Вон какая краля! Не то что эта хлюпающая над своими сопливыми скулящими сосунками мамаша.

Впуская Таню в квартиру, бандит ухмылялся – хороша девка! И, уж конечно, не учуял в ней ни малейшей опасности. Что может сделать здоровому мужику эта пигалица, у которой от страха аж коленки трясутся? Поглядим, как они будут трястись, когда я тебя...

Сама Таня, как ни странно, ни малейшего волнения не испытывала, наоборот, ощущала удивительную ясность в голове и как будто наблюдала за собой со стороны. Медленным движением она протянула бандиту прозрачный пакет, демонстрируя, что в нем нет ничего, кроме лекарств. Тот, не глядя, отшвырнул пакет в сторону и, осклабясь, протянул лапищи, чтобы обыскать затянутую в продуманно узкий халатик девушку. Она отступила на полшага, взмахнула, точно инстинктивно закрываясь, руками и, выдернув из густых волос длинную шпильку, молниеносным движением – ей самой показалось, что оно было неправдоподобно медленным, – вогнула острие в испещренный красными прожилками глаз. Отморозок тут же замычал, рухнул, подергал ногами и быстро затих.

Все это было как на тренировке, поначалу Таня даже решила, что первое задание оказалось на удивление несложным, даже удивилась, что не испытывает никаких особых эмоций – ни жалости, ни раскаяния (все-таки человека, хоть и мерзкого, жизни лишила), ни хотя бы запоздалого испуга. Ничего.

Накрыло ее уже ночью. Таня проснулась в липком холодном поту, перед глазами вновь и вновь прокручивалась «та» картина: кровь, судорожно дергающиеся ноги, мычание, переходящее в жуткий предсмертный хрип. Как просто – лишить кого-то жизни. Только что стоял перед ней – живой, наглый, весь синий от татуировок, отвратительно щерился гнилой вонючей пастью – и все: конвульсии, хрип и сизо-желтая бледность. После одного-единственного движения. Ее движения. Ее собственных рук.

Тане казалось, что она держится неплохо, но Игорь Леонидович, видимо, считал иначе, потому что некоторое время после первого задания был рядом почти непрерывно – наблюдал, поддерживал, беседовал. В его присутствии все становилось понятным и нестрашным. Он вообще умел объяснять. Даже то, что, казалось, никакому объяснению не поддается.

Впрочем, Таня довольно быстро выучилась не думать и не вспоминать. Работа есть работа. И далеко не каждое задание заключалось в устранении нежелательных «объектов», точнее, субъектов. Было много всякого, значительно менее неприятного, хотя не менее опасного и, как правило, более интересного. Тане нравился риск, ее пьянил бурлящий в крови адреналин – а голова при этом, как ни странно, становилась, наоборот, ясной и холодной, – нравилась необходимость мгновенно реагировать на непредсказуемые изменения сложных ситуаций, возможность импровизировать. Нет, товарищи, говорила она себе, это уже не ремесло, а настоящее искусство. Сродни искусству актера, художника, писателя – и даже, пожалуй, всех их, вместе

взятых. Ибо жизнь подбрасывает такие коллизии, которые требуют безграничного воображения, творческой дерзости, но в то же время и присущей настоящему художнику точности в выборе инструмента или краски...

Те же «ночные» мысли крутились в Таниной голове и теперь, пока железный конь уносил ее все дальше и дальше от Парголова. Уже остался слева Юсуповский сад, где они гуляли так, кажется, недавно, пролетела под Египетским мостом Фонтанка, замелькали многочисленные Красноармейские улицы. Она свернула в переулок, в конце которого сияла голубыми куполами и золотыми звездами стройная церковь, и подъехала к ничем не примечательному жилому дому, не торопясь, однако, слезать с верного своего «коня».

Нет, она никогда не боялась встреч с Учителем, еще чего! Она ждала их как радости, как ждут подарков. Но и как экзамена, перед которым непременно нужно собраться с мыслями. Особенно если что-то идет «не так», вот как сейчас. В нынешнем задании постоянно возникали какие-то непредсказуемые косяки. Как вылезаящая из диванного сиденья пружина – и непонятно, откуда взялась, и сидеть на ней нет никакой возможности, колет прям до крови. А она, Таня, никак не может разобраться, что за «пружины», откуда они вылезают, и главное – что с ними делать.

Началось все несколько недель назад. Учитель, вызвав ее к себе, к делу, как всегда, приступил без лишних предисловий:

– Работать будем в Петербурге. Вот фото объекта, вот адрес, вот дополнительные данные. Объект должен быть устранен как можно скорее. Случай экстраординарный. Твой «клиент» – увы, один из наших. Практически твой однокашник. Так что случай по всем параметрам не рядовой. Единственный в своем роде.

– А... а почему? – Таня, вопреки обыкновению, не смогла удержаться от вопроса. Уж больно необычным было задание. Спросила – и прикусила язык. Ведь знала же – Учитель говорит ровно столько, сколько нужно для успешного исполнения. Излишек информации, считал он, только мешает эффективности.

– Во многие знания многие печали, – нередко повторял Игорь Леонидович. И не раз приводил примеры, когда лишняя осведомленность мешала делу.

На этот раз, однако, Учитель, вопреки обыкновению, даже не нахмурился, не пресек Танино излишнее любопытство, с которым она, что греха таить, не всегда могла совладать. Похоже, он специально дожидался ее вопроса, потому что после небольшой паузы пояснил:

– Ты и сама, девочка моя, знаешь, что жизнь богата на искушения. Устоять порой бывает очень нелегко, человек таит в себе не только силу, но и слабость. Вот этот человек и не устоял. Стал брать «левые заказы», что само по себе невероятно. Но все еще хуже. У него есть возможность слить важнейшую оперативную информацию. И мало того, что таким образом сорвется чуть не годами разрабатываемая операция, под ударом окажутся наши люди, – он невесело усмехнулся. – В общем, классический пример оборотня в погонах. Пусть даже погоны наши почти виртуальные. Объект умен, опытен, осторожен. Что там говорить – наша школа. Да вот с гнильцой оказался. Тебе, к сожалению, придется работать в одиночку, без страховки, иначе спугнем. И было бы крайне желательно обставить все как естественную смерть или как несчастный случай. Но задача, повторяю, крайне непростая, поэтому и говорю «желательно». Ждать удобного момента нет возможности. Мы вообще не можем ждать. Примерный план такой...

В квартиру «оборотня», убедившись предварительно, что она пуста, Таня проникла легко, без особых проблем обойдя расставленные хозяином хитроумные секретки. Что значит – одна и та же школа. Она, Таня, тоже все это проходила, ну, и после школы, в процессе работы, тоже немало чему научилась.

Осмотревшись в квартире – да, точно везде пусто, – она прошла на кухню. Ничего сложного: всего лишь добавить в солонку белого порошка, практически неотличимого от обычной поваренной соли. Ничем. Кроме того, что эта «белая смерть» заслуживает такого названия на

самом деле, а не как объект медицинских «пугалок». Действует быстро, следов в организме не оставляет – если не проделать сразу после смерти некоторые редкие тесты, через час-два даже лучший токсиколог ничего не найдет. Будничная работа, ничего особенно трудного.

Впрочем, уже на этом этапе начались «косяки». «Оборотень» не только прошел хорошую школу, у него и чутье было звериное. Он должен был – должен был! – отсутствовать несколько часов, но, словно учуяв опасность, внезапно вернулся.

В квартиру он, разумеется, вошел совершенно бесшумно – это основы основ. Но и Тане на свои «охотничьи инстинкты» грех было жаловаться. В конце концов именно они время от времени спасают жизнь агента. Как и в этот раз.

Таня не столько услышала или почувствовала движение, сколько предощутила его – и бросилась на пол, в тот же момент услышав вонзившуюся в стену над своей головой пулю. Ее противник не сразу понял, удачен ли был выстрел, или непрошенная гостья упала долей секунды раньше. И это секундное промедление стало фатальным. Девушка, мгновенно сгруппировавшись, перекатилась, выбросила вверх напружиненные ноги – и пистолет с глушителем отлетел в сторону.

Их молчаливая схватка совсем не походила на кинематографические драки, когда противники чуть не по стенам друг за другом бегают – сплошные кувырки, прыжки и пируэты. Реальное единоборство – особенно если противники более-менее равны, – больше похоже на бессмысленное топтание на месте. И даже дыхание не нарушает тяжелой, напряженной, почти искрящейся тишины.

И все же психологическое преимущество было на стороне Татьяны. Ее противник знал, что пришли за ним, знал, кто пришел и почему. Знал, что возмездие уже дышит ему в затылок – даже если именно в этой схватке ему удастся победить. Следующую он проиграет. В единоборствах – будь то бокс или восточные практики – это называется психологической доминантой. Потому что какие же это опытные бойцы, если они пыхтят, как паровозы?

Ни о чем таком Таня в этот момент не думала – не до того было. Но чувствовать – чувствовала, что у противника нет того самого куража, той безукоризненной уверенности уже спущенной стрелы, которая, собственно, и обеспечивает победу. И в итоге один из Таниных выпадов достиг наконец цели – противник «поплыл». Вот оно! Сейчас!

Таня почувствовала, что ее тело – хищный смертоносный наконечник неотвратимо несущейся в центр мишени стрелы... Вот теперь любители кинематографических схваток были бы довольны. Кувырок вперед перед решающим ударом был музыкально точен и почти утонченно изящен, а последовавший за ним короткий удар вполне годился для показа в учебном фильме. После такого удара можно вообще не проверять, жив враг или мертв. Но Таня, разумеется, проверила, правила давным-давно впитались на уровне подкорки. Результат проверки был... положительный. Или – разве можно про отсутствие признаков жизни сказать «результат положительный»? – отрицательный? Как водится, все зависит от точки зрения. С точки зрения поставленной цели – все-таки положительный.

Впрочем, оставалось еще кое-что. Тщательный осмотр «логова» был не менее важен, чем ликвидация самого «оборотня». Документы. Учитель говорил, что тут должны быть важные документы.

К счастью, схватка была почти бесшумной, да и дом старый, с толстенными, почти звуконепроходимыми стенами, так что соседи вряд ли могли услышать что-то подозрительное. А значит, время на поиски есть.

Педантично осмотрев каждый уголок – безрезультатно, – Таня начала осторожно простукивать стены. Ага! Вот и характерный глуховатый звук, явственно свидетельствующий, что в стене есть полость. Что ж, место для тайника традиционное, ничего оригинального. И не ленился ведь каждый раз подклеивать полоску обоев, маскируя «клад». Или...

Именно рулон этих обоев, небрежно брошенный на антресолях, навел на мысль о тайнике в стене. И это умный, опытный, ушлый агент? Тань, сказала она сама себе, давай-ка поосторожнее, очень уж все тут просто получается, наверняка не без сюрприза.

Ну, так и есть, тайник заминирован на случай непрошеного вторжения. Интересно, а сам-то он каждый раз как туда проникал? Или, однажды обустроив «клад», собирался вернуться к тайнику лишь однажды, чтобы забрать припрятанное? Очень правдоподобно, эта версия объясняет все странности. А главное, означает, что «клад», что бы там ни хранилось, еще цел. Ну, скорее всего. Заминировать-то можно и пустой тайник...

Таня умело обезвредила «закладку» и осторожно, опасаясь еще каких-нибудь сюрпризов – нет, обошлось, – вскрыла тайник, вспомнив любимое присловье инструктора по взломам: замки, деточка, только от честных людей, кому надо, тот и швейцарский сейф вскрыет. Так себе тайничок-то, усмехнулась она. Банальный. Без выдумки. Да и содержимое вполне себе типичное. Еще один пистолет с глушителем, несколько российских и иностранных паспортов на разные фамилии – с одной и той же фотографией (все-таки вовремя они к «оборотню» успели, еще чуть-чуть, и ушел бы), – несколько денежных пачек – в разных валютах, само собой, как же без наличных! – и стопка одинаковых папок. Забавно. XXI век на дворе, высокие технологии и все такое, а ценную информацию до сих пор в бумажном виде хранить предпочитают.

Таня бережно сложила добычу в сумку, сделала контрольный звонок и, еще раз осмотревшись, бесшумно покинула квартиру. О «секретках» можно было уже не беспокоиться. Равно как и о безжизненном теле владельца «логова». Скоро сюда явятся другие люди. Хотя они и тоже от Игоря Леонидовича, но видеть их ей, Тане, не положено, так же, как и им – ее. Они все еще раз осмотрят, уберут возможные следы, да и тело, скорее всего, тоже – раз уж так вышло. Жаль, что не удалось имитировать естественную смерть или хотя бы несчастный случай, но тут уж ничего не попишешь. Просто от «оборотня», значит, вообще ничего не останется. А ее дело – побыстрее передать Учителю свой «улов».

– Неплохо, – похвалил ее Игорь Леонидович, просмотрев документы и облегченно вздохнув. – Ты молодец, девочка моя. Особенно – вот, – он погладил несколько отложенных в сторону листов.

– А эти? – Таня кивнула на остальные папки.

– Тоже интересно, но не так срочно, нужно дополнительное изучение, – он покачал головой, словно был не слишком уверен в том, что говорит. – Ориентировки на тех, кто находился у него в работе. Досье на «клиентов», которые поставляла мафия. В общем, надо еще подумать. Скорее всего, работу нужно будет продолжить, но этими соображениями я поделюсь потом. А пока езжай в свое Парголово и как следует отдохни. Досталось тебе в этот раз.

Действительно, синяки и ссадины уже давали о себе знать, все тело казалось чужим, болезненным и неуклюжим. Хорошо хоть лицо не пострадало. Ну... почти не пострадало. А ссадина на скуле заживет быстро.

Дней через несколько Учитель вкратце обрисовал содержание «бандитского досье»:

– Все-таки самую ценную информацию он, как и полагается, хранил в голове. А этот архив – скорее страховка от его... заказчиков. Обычный набор – злостные должники, неудобные конкуренты и прочее в этом духе. У бандитов все, как в легальном бизнесе: погоня за прибылью, рынками сбыта, грызня с конкурентами – рационально, примитивно и скучно. Никакой романтики, – он усмехнулся. – Только что способы борьбы несколько более... brutальные. Впрочем, туда им всем и дорога.

– Ну да, – кивнула Таня. – Пусть хоть все друг друга перебьют, думаю, никто из наших по этому поводу плакать не станет.

– Плакать-то не станет, – опять усмехнулся Игорь Леонидович, – но, увы. На место убитых тут же явятся новые, – он покачал головой. – Природа, как известно, не терпит пустоты. Человеческая – тем более.

– Значит, ничего заслуживающего внимания в этих архивах не оказалось? – расстроилась Таня.

– Ну почему же, – улыбнулся Игорь Леонидович с весьма довольным видом. – Все, что нам было нужно, там было. Но это уже тебя не касается. Но... было там и еще кое-что. Довольно неожиданное. Взгляни-ка, – он протянул ей красную папку.

Таня раскрыла пластиковые корочки и заглянула внутрь. С крупной фотографии на нее глядел симпатичный мужчина лет сорока: прямой, уверенный взгляд чуть прищуренных глаз, твердая линия рта, легкая седина на висках. Такие легко располагают к себе уже при первой встрече и очень, очень нравятся женщинам.

– Субботин Сергей Владимирович, владелец торговой сети «Полная чаша», – вслух прочитала Таня и недоуменно повела плечом. Перебрала скудное содержимое папки: еще фотографии, сведения о месте жительства, привычках, образе жизни... Ничего особенного. Она помотала головой. – Не понимаю. Этот-то мачо здесь при чем? Не должник, не конкурент, в связях с криминалом не замечен... Бизнес чистый, подумаешь – продуктовые магазины. Не ночные клубы ведь. С какой стати на него «оборотня» напустили?

– Вот поэтому он нам и интересен, – усмехнулся Игорь Леонидович. – Так поглядишь – вроде прозрачен, как лабораторное стеклышко. А по его следу пускают киллера-наемника, и не из дешевых. На первый взгляд, за этим Субботиным действительно нет ничего, как говорится, порочащего. Ну так, смутные подозрения, туманные предположения, догадки, не более. Но ты ж сама понимаешь, такого мусора навалом за любым, кто в бизнесе преуспел. Абсолютно чистеньких там нет. Просто по определению. Просто потому, что остаться идеально чистеньким можно, лишь сидя на выдаче читального зала или созерцая свой пупок посреди индийских джунглей. А в бизнесе – никак, такое уж это дело. Но почему-то тут оказался именно этот Субботин. В смысле, его досье. В общем, предположениями, размышлениями и домыслами я тебя сейчас грузить не стану, но дыма без огня не бывает. Так что займись, девочка моя, этим ангелом-коммерсантом, посмотрим, насколько он безгрешен. Точнее, настолько ли он грешен, чтобы это и нас касалось.

– Что мне нужно делать? – деловито осведомилась Таня.

– Установишь с ним контакт. Познакомься, подружись, войди в доверие, – суховато, точно думая еще о чем-то, инструктировал ее Учитель. – Только не торопись, пусть все будет как можно более естественно. Да ладно, тебя учить – только портить, сама все знаешь и умеешь. Думаю, постепенно там обнаружится что-нибудь интересное. Но, повторяю, не торопись. На первый взгляд задание легче легкого, но... впрочем, сама понимаешь. Будь осторожна и предельно внимательна, возможны любые неожиданности. Любые, – он неожиданно улыбнулся. – Очень уж все это странно. Ну, в добрый путь. Связь как обычно.

Вот в рамках этого последнего задания и произошло «случайное» ресторанное знакомство симпатичного благополучного коммерсанта и не менее симпатичной «амазонки». Таня готовилась к длительному наблюдению и даже после предупреждения о любых неожиданностях была весьма удивлена тем, с какой скоростью разворачиваются события. Все-таки «оборотень» мертв. Однако охота за Субботиным продолжилась без каких бы то ни было пауз. Значит, для этой охоты был нанят не только «оборотень»? Или охота началась только сейчас? Мгновенно передали заказ от пропавшего наемника другому? Да кто же, черт побери, такой этот Субботин? Резидент трех разведок? Тайный агент Ротшильдов? Потерянный в младенчестве наследник бельгийского королевского дома?

Таня вспомнила свой вчерашний монолог про «очень дорог и внутренние резервы». Вроде бы легенда чистой воды, придуманная заранее, еще когда Сергей лежал в больнице. Потому что было совершенно очевидно: блестящая победа хрупкой девушки над тремя хулиганами потребует объяснений более правдоподобных, нежели «некоторые навыки самообороны», полученные за несколько занятий в какой-то там секции. Субботин – далеко не идиот, а

ей меньше всего было нужно, чтобы он начал в ней сомневаться. Ну а «внутренние резервы» – неплохое обоснование. Во всяком случае звучит убедительно. И причина – личные чувства – делает объяснение еще убедительнее, в такое любой нормальный мужик поверит. Просто потому, что лестно.

Но сейчас Таня ловила себя на том, что придуманное ею объяснение совсем не такое уж «придуманное». Понятно, что ни о каком «пробуждении скрытых резервов» и речи нет, эту гоп-троицу она, с ее-то подготовкой, положила бы когда и где угодно, даже не запыхавшись. Но вот «ты стал мне очень дорог»... На заданиях врать приходилось нередко, в том числе и о своих чувствах – ничего особенного Таня в этом не видела: часть работы, не более того. Но перед собой она всегда была честна. И сейчас видела совершенно ясно: говоря о чувствах, она говорила... правду. Субботин для нее – не просто «задание», а что-то гораздо более личное. И ладно бы еще ей хотелось нырнуть с ним в постель и неделю не выныривать – такое в Таниной жизни бывало. Но сейчас ей хотелось не столько в постель, сколько... смотреть на Сергея. Как он хмурится, как улыбается, как пьет чай, как поправляет волосы. Хотелось жарить яичницу, болтать с ним о каких-нибудь пустяках, без всяких заданий и тайн трех разведок...

Очень странно. Очень.

И совсем непонятно, что и как делать дальше.

Поднимаясь по лестнице – квартира, где она встречалась с Учителем, располагалась на четвертом этаже, с удобным окном на крышу соседней трехэтажки вместо банального черного хода, – Таня пыталась сформулировать вопросы так, чтобы Игорь Леонидович смог на них ответить. Вот только захочет ли?

* * *

Время тянулось невыносимо медленно. Сергей начал маяться от безделья уже через полчаса после Таниного отъезда. Точнее, не столько от безделья, сколько от ощущения собственной неприкаянности. Хотелось куда-то бежать, кому-то звонить – хоть что-нибудь предпринять. А тут сиди беспомощным болваном. Даже не позвонить никому – айфон, как на грех, разрядился, а зарядку он второпях не прихватил. Собирали-то самое насущное – документы, банковские карты, наличку. М-да. Банковской картой не очень-то позвонишь, паспортом – тем более, будь он хоть трижды заграничный.

Как ни странно, совсем недавно, валяясь на больничной койке, он вовсе не чувствовал себя беспомощным. Потому что дурацкое нападение в подворотне не воспринял как нападение. Ну, то есть решил, что он этой шпане просто под руку подвернулся – обычный гоп-стоп, ничего особенного. Но раз уж кто-то стрелял, значит, мишень – именно он, Сергей Субботин. Чувствовать себя мишенью было... неудобно. Он привык, что называется, контролировать ситуацию. А сейчас вынужден болтаться, как щепка в море, по воле волн, ветра и течений. Не самое приятное ощущение.

В каком-то смысле, может, и к лучшему, что он не может сейчас никому позвонить. Прежде чем что-то предпринимать, надо бы для начала понять – что, собственно, предпринимать, в каком направлении действовать. Не то чтобы он совсем не догадывался, кто может на него охотиться. Кое-какие мысли были, как не быть, он же не мальчик наивный, он тертый калач. Но мысли – это только мысли. Все нужно проверять. Нужна информация. А он даже в Интернет выйти не может. Айфон разряжен, а в этой хижине...

Чтобы не метаться от нечего делать тигром в клетке, Сергей методично и подробно осмотрел весь дом. Ничего интересного. Пустышка. Сарай.

В рекламном объявлении эту халупу наверняка назвали бы загородным домом, виллой или хотя бы коттеджем на одну семью. Но на самом деле это была обычная до зевоты старенькая дачка. Из тех, что во второй половине прошлого века строили себе более-менее успешные – по

тем временам – люди. Многие из тех домишек – особенно те, что подальше от «города», – так и дожили до наших дней не то что без переделки, а зачастую даже без минимального ремонта.

И похожи все друг на друга как близнецы. Потемневший от времени бревенчатый сруб, между комнатами – хлипкие фанерные перегородки, оклеенные давно поблекшими бумажными обоями в крупных цветах, по стенам – витые шнуры древней проводки, пол из широких, просвечивающих через облупленную краску досок, скрипит и гуляет под ногами. В маленьких, почти квадратных двустворчатых окнах – непременно один-два уголка отбиты, а сами стекла немывы с доисторических времен. Ко всему этому дряхлому великолепию обычно прилагается еще холодная веранда с дребезжащими стеклами в мелких переплетах пересохших рам, выходящая на типовое крылечко о трех подгнивших ступеньках, накрытое дохлым, ни от какого дождя не защищающим козырьком на двух вихлястых столбиках – сверху либо жесть, либо драный рубероид с «лохматыми» от старости краями. Не дача, а машина времени. Добро пожаловать в СССР!

Парголовский «Танин» дом, как и большинство таких вот дач, отапливался здоровенной печью, обосновавшейся в самой середине дома – чтобы одновременно обогреть все комнаты, – и, похоже, давным-давно забывшей, что такое дрова. Большинство подобных дач на зиму «консервируются», оживая лишь весной, когда старшее поколение начинает воодушевленно «огородничать». А уж летом непременно везут детишек – чтоб «подышали воздухом» и полакомились «витаминами прямо с грядки».

Но у владельцев этого дома, судя по всему, не было ни маленьких детей, ни пожилых родственников. Участок буйно зарос бурьяном, крапивой да беспрепятственно наползающей от соседей одичавшей малиной. Ни следа огородных или цветочных грядок, только полдюжины старых яблонь да пара кривых узловатых вишен. В общем, дача, похоже, пустовала не только зимой, но и летом. Причем далеко не один год. Обычно в таких «фазендах» сохраняются хоть какие-то следы человеческого пребывания: дырявая детская ванночка, сломанная коляска, драный выцветший мячик, размокший обмылок, забытый на рукомойнике. Да хотя бы стопка желтых, пропахших пылью древних журналов или газет, что хранят на растопку.

Здесь же не было ничего. Ни в доме, ни на участке. Как будто здесь никогда и не жили. Или выгребли все подчистую. Включая пыль. В доме было на удивление чисто. Обшарпанная, но аккуратно протертая мебель, в кухонном шкафчике – недорогой, но неожиданно современный набор посуды, в комодке – несколько комплектов постельного белья, тоже сегодняшнего, да пустые вешалки. Ни телевизора – пусть даже самого древнего и заваливающего, ни книг, ни журналов, ни газет у печки.

Поспать, как советовала Таня, тоже не вышло. Стоило закрыть глаза, и там, под сомкнутыми веками, вновь и вновь неторопливо, вальяжно, как в замедленной съемке, сыпались из разбитой вазы ветки сирени. Они цеплялись друг за друга и как будто царапали изнутри и так уже достаточно измученный мозг. Где же он, черт побери, ошибся? Чего не заметил, не учел? Откуда, леший их раздери, все эти проклятые неожиданности?!

Пытаясь занять себя хоть чем-нибудь, Сергей вскипятил электрический чайник – тоже, как и посуда, вполне современный, – выпил две чашки чаю, перемыл, чтоб не пропадать горячей воде, оставшуюся от завтрака посуду. И как-то совсем затосковал.

Может, пойти прогуляться? В конце концов, Таня ничего не говорила о том, что ему нельзя выходить на улицу, а нужно сидеть как привязанному в четырех стенах. Да и, собственно, при чем тут Таня? Он вообще-то давно уже большой мальчик, привык сам строить свою жизнь, быть хозяином своей судьбы, воплощать собственные планы, а не бездумно подчиняться чужой, пусть триста раз доброжелательной воле. Разве он несмышлениш, чтобы действовать по чужой указке? Таня – девушка ну, перепугалась от всего происходящего, поэтому и паникует.

Хотя это, конечно, никакое не объяснение, а невероятная, запредельная, пусть даже и успокоительная чушь! Таня и девичьи страхи – вещи совершенно очевидно несовместные.

Так что нужно посмотреть правде в глаза (интересно, мелькнула дурацкая мысль, какого цвета глаза у правды?) и признать: в его жизни действительно случился какой-то непонятный сбой. Все покатило под откос, пошло не так, вкривь и вкось, вверх ногами, задом наперед, черт-те как... Что там еще в богатом на синонимы словарном запасе русского языка припасено на такой счет?

Сергей раздраженно бродил по заросшему участку, сердито сшибая подворачивающиеся под ноги головки неистребимо многочисленных одуванчиков. Сидеть и ждать, пока и твою голову сшибут так же, как пустой одуванчик? Ну да, пару раз уже пытались, третья попытка вполне может оказаться и удачной. Удачной – для них. Ох, понять бы еще, кто такие эти «они».

И если таинственные «они» действительно нацелились именно на его, Сергея, голову, то найдут его и здесь. Ну и какой тогда смысл – бродить, как подслеповатая курица, по пыльной траве, шурить глаза на высокое июньское солнце – прихватить темные очки он второпях тоже не догадался, – и бояться высунуть нос за ворота?

Почему бы в самом-то деле не пойти прогуляться, поглядеть на это пресловутое Финское, не то Чухонское, озеро, да хотя бы пройтись по этой, как ее там, Пляжевой улице? Местечко, насколько он вчера успел заметить, довольно живописное, погода – как с курортной открытки, самое оно для прогулки. И время, глядишь, пролетит быстрее.

Ключей от дома нет? Да и ладно, красть тут все равно нечего. Калитка, притаившаяся рядом с дощатыми воротами, как это обычно и бывает на подобных дачках, запирается на простую щеколду, которую легко открыть с улицы, просунув руку в узкую щель возле опорного столбика.

Распахнув калитку, Сергей шагнул в тихий переулок. Ни человека, ни собаки, только воробы купаются в теплой придорожной пыли да гомонят в громадном кусте шиповника.

Неторопливо бредя в том же направлении, откуда они вчера приехали, Сергей с интересом глядел по сторонам. Здесь и вправду было славно. К узким дорожкам вплотную подступали стены деревьев, над горячим пыльным асфальтом слоями плыли тяжелые цветочные ароматы и легкий озерный ветерок. Тишь да гладь! Даже не верится, что этот райский уголок расположился буквально в двух шагах от гигантского Питера. От его воняющих бензином и выхлопными газами магистралей, дымящих заводов, лязгающих, грохочущих вокзалов и бесчисленных шумных толп, в которых горожане и туристы различаются лишь скоростью передвижения.

Впереди между домами и деревьями засинело, засверкало, заискрилось серебряными бликами озеро. Оно разлеглось приблизительно по направлению движения, вот только прохода к нему, как назло, нигде не было видно. Вокруг высились заборы, виляли тупики, толпились старые дома, новые дома, недоделанные новостройки...

Убедившись, что прямо не пройти, Сергей начал петлять узкими окольными улочками. Улица Некрасова, улица Шишкина... экий культурный район!.. А вот улица Горная, какая милая неожиданность!

Из прячущегося в зелени переулочка высыпала стайка разновозрастных детишек на разноцветных велосипедах, с дружелюбной готовностью засыпавших заблудившегося путника ворохом советов и рекомендаций: туда – нет, лучше тут обогнуть, да нет же – лучше немного вернуться...

Следуя скорее интуиции, чем противоречивым указаниям, Сергей вышел наконец к берегу. Точнее, к тому его участку, что, судя по всему, служил аборигенам пляжем. Вероятно, в выходные здесь и пятачка свободного нет, но сейчас вряд ли насчитывалось больше двух десятков человек. Коричневые малыши в пестрых панамках строили из песка не то сказочный замок, не то запруду, мамочки в ярких купальниках, морща розовые носики, сквозь темные очки приглядывали за отпрысками поверх глянцевого журналов. Чуть дальше от воды, под

тенью густых лип, два одинаковых старичка играли в шахматы – типично питерский элемент пейзажа, мысленно усмехнулся Сергей. Прямо перед ним прыгала, вопила и хохотала компания волейболистов: гулкие хлопки ладоней перемежались радостными возгласами, пестрый мяч послушно летал над колеблющимся кольцом вздетых к нему рук, иногда свечкой взмывая к облакам...

Обогнув компанию с мячом, Сергей обнаружил неподалеку от старичков-шахматистов бревно, протянувшееся в траве почти до самой воды. Присел и, шурясь от слишком яркого солнца, стал бездумно глядеть на медленное колыхание водорослей – почти под ногами, на плещущихся чуть подальше двух купальщиков – надо же, какие холодостойкие, все же не Кипр, а Балтика, тут даже в озерах вода совсем не похожа на парное молоко. На плывущие по озерной глади отражения редких облаков, на переливы воды и света... Покой и умиротворенность накрыли с головой, пропитали словно бы все тело, отгоняя и оттесняя все тревоги последних дней. Да полно, были ли они, эти неприятности? Может, привиделось? Пригрезилось? Неожиданная безмятежность дарила удивительное, незнакомое наслаждение. Забавно, лениво думал Сергей. Он ли это? Энергичный, преуспевающий, до мозга костей деловой человек, привыкший к лучшим мировым курортам, в итальянских туфлях ручной работы, за которые можно купить всю эту компанию... Сидит на замшелом корявом бревнышке в занюханном уголке... как это называется? рабочей окраины, что ли? Бездумно глядит на облака и... и ничего ему больше не надо? Зачем что-то еще, когда вокруг и внутри такая благодать?

Расслабившись под слепящим, но не палящим, почти нежарким солнцем, Сергей не замечал хода времени. Спихватился, лишь когда его накрыла тень растущих, не сказать чтобы рядом, деревьев. Он выпрямился. Старичков под липами уже не было, волейболисты, оставив в покое мяч, сгрудились вокруг импровизированного дастархана. Солнце, перевалив зенит, начало двигаться вниз, хотя стояло пока довольно высоко. Часы показывали половину четвертого.

Неплохая вышла прогулка, подумал, потягиваясь, Сергей. Пора, пожалуй, и возвращаться. Кто знает, вдруг Таня обернется быстро? Да и есть хочется прямо зверски! Холодильник холодильником, а магазин тут, интересно, есть? По идее, должен быть, вон поселок-то какой. Немаленький. Не из Питера же эти дачники продукты таскают. Впрочем, омаров и мраморную говядину тут вряд ли продают, так что для начала можно ограничиться и содержимым холодильника.

Еще раз с наслаждением потянувшись, Сергей неторопливо двинулся в обратный путь. Похоже, последствия приключения в подворотне прошли уже окончательно, голова больше не болит, не кружится, липкая дурнота и вязкая слабость остались где-то там, позади, как дурной сон. Ну, значит, и все остальное так же образуется.

Дорога, уже знакомая, заняла гораздо меньше времени, чем блуждания в узких улочках, казавшихся по пути к озеру бесконечными. А ходьбы-то, если знать куда, всего-то минут на десять. Ну, на пятнадцать. Вон и знакомые ворота уже видны.

Сергей, сам не зная почему, сбавил шаг. Как-то тревожно вдруг стало. Аж мурашки по спине побежали. Точно среди горячего летнего дня откуда-то потянуло ледяным ветром. Что за притча? Он искоса, с самым равнодушным видом огляделся. Улица была все той же, только в дальнем ее конце неторопливо шел какой-то прохожий, такой же, как он сам. Я с озера возвращаюсь, а он наоборот, убеждал себя Субботин, но ноги словно сами собой свернули в подвернувшийся проулок.

И тут вспомнил! Это же тот гопник или, очень может быть, ряженный под гопника – один из тех, кто напал в той подворотне. Молодой, худощавый, жилистый, с низким лбом, узким костистым лицом и тяжелым взглядом. Единственный из троицы, которого Сергей запомнил. Не просто запомнил – практически сфотографировал. Серый... Да, так. Таня говорила, что подельники называли его Серым...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.